

Александра Арно

**КОГДА
БЫЛА
ВОЙНА**

16+

Александра Арно
Когда была война

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арно А.

Когда была война / А. Арно — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1028-1

У них разные разные судьбы, но у них одна на всех война. И одна общая цель: выжить, отстоять свою родину, свободу и право на жизнь. Кто знает, далеко ли уведёт их фронтовая дорога и суждено ли им вернуться домой. Но и на войне есть место обычному человеческому: они встречаются, влюбляются, создают семьи и, конечно же, мечтают о светлом будущем. А между тем ураган войны огнём сметает всё на своем пути. И никто из них уже не останется тем, кем был прежде.

ISBN 978-5-5321-1028-1

© Арно А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Котёнок	5
Ангел Соня	16
Фройляйн Шоколад	38
Папа	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Котёнок

Андрей сидел на поставленных друг на друга кирпичках и читал книгу. В котелке остывала порция густой солдатской каши с воткнутой в неё алюминиевой ложкой, на коленях лежал ломоть чёрного хлеба из муки грубого помола. Желудок истошно требовал пищи, но Андрей не отрывался от книги – ждал, пока каша остынет. Он с детства не любил горячей еды.

– Эй, Лагин! – окликнул его кто-то, и Андрей вскинул глаза. Перед ним стоял однополчанин, Серёга Мыльников, и ковырялся в кривых зубах заточенной дубовой веточкой с зелёными листиками на другом конце.

– Чего?

– Ты что, жрать не будешь? Если не будешь, давай мне. Я съем.

Он по-хозяйски протянул руку к котелку. Андрей с досадой зыркнул на него и схватил котелок. О чёрный закопчённый бок брякнула тоненькая металлическая ручка.

– Кто тебе сказал, что не буду? Буду!

– А чего не жрёшь тогда? – усмехнулся Мыльников и плюхнулся рядом, прямо на сырую после вчерашнего дождя землю.

Андрей хмыкнул и вернулся к чтению книги. Ветер теребил странички, норовя перевернуть, мягко шелестел в молодой листве вековых дубов, что выстроились ровными шеренгами по краям подъездной аллеи, и стучал оконными рамами с выбитыми стёклами.

Когда-то в этом здании было немецкое кабаре, а теперь располагался их полк. Ещё неделю назад тут стояли остатки гитлеровской армии, но позавчера они выбили их отсюда и отбросили ещё на пять километров назад, к Берлину.

В боях здание знатно подбомбили: ни окон, ни дверей не осталось, часть пола на втором этаже отсутствовала, но зато сохранилась кое-какая мебель – несколько круглых столов и табуреток, да у испещрённой пулями стены сиротливо стояло разбитое фортепьяно. На его белых клавишах темнели кровавые отпечатки, будто кто-то раненый перебирал их в самый разгар боя. У входа в зал висело на одном гвозде треснутое зеркало в богатой резной раме.

А в леднике обнаружили запасы провианта. Правда, их все заграбастало себе начальство, а им, простым солдатам, выдали лишь по банке немецкой тушёнки и по сосиске. По жирной, сочной, вкусной сосиске, каких Андрей никогда в своей жизни не пробовал. Да и тушёнка была хороша, совсем не чета родной советской.

Андрею было невдомёк, что еду разделили поровну на всех: и на командирский состав полка, и на простых бойцов

Мыльников нагло заглянул в книгу и загоготал:

– Тебе делать нечего, Лагин?

Андрей заложил страницы пальцем, убрал книгу в сторону от однополчанина и сердито сверкнул глазами.

– Это тебе делать нечего. Иди, занимайся своими делами, оставь меня в покое.

Мыльников вытащил изо рта самодельную зубочистку, его губы растянулись в улыбке.

– Вот честно, никогда тебя не понимал. Ребята там самогон пьют, играют, пляшут, а ты тут упёрся носом в книгу. Что читаешь хоть?

– Дюма. – Андрей показал ему потрёпанную обложку. – «Графиня де Монсоро».

– И про что там пишут?

– Про графиню де Монсоро, – вздохнул Андрей и повторил: – Иди и займись своими делами. Попляши там... Самогонки тяпни.

Мыльников не нравился ему из-за своей прилипчивости. Если он надумал к кому-то пристать, то отделаться от него было невозможно. И сейчас, по всей видимости, пристать он решил к нему. Про себя Андрей называл его «дуболомом» за высокий рост, плечистость, недюжинную

силу и полное отсутствие ума. В полку же он получил прозвище «медведь», которым почему-то чрезвычайно гордился.

Андрей отложил книгу в сторону, предварительно загнув уголок листа, и зачерпнул ложкой вязкую кашу. Чуть поодаль мирно потрескивал костёр, выдыхал вверх густые клубы белого дыма, швырял пригоршнями красные искры. А в глубоком ночном небе рассыпались алмазами мириады далёких, но ярких весенних звёзд.

Откуда-то издали доносились весёлые выкрики солдат, топот танцующих ног, хлопки в ладоши, играл неумолчно аккордеон.

– Слушай, – снова завёл Мыльников. – Там и Любушка пришла, медсестричка новая, и Алёнка давно уже там. Идём к ним!

В глубине его карих глаз отражались всполохи пламени, плясали задорные искорки. Андрей сунул в рот очередную ложку каши и принялся старательно пережёвывать семена пшеницы.

– Не хочу. Иди сам.

– Ну ладно. – Мыльников легко вскочил на ноги, оправил гимнастёрку, вытянул из-под погона пилотку и нахлобучил на голову. – Пойду сам. А ты сиди тут, тухни над своей графиней де Мосро.

– Де Монсоро, – поправил его Андрей.

– Ну, де Монсоро, – поморщился Мыльников, – невелика разница. Вот только смотри. – Он склонился над Андреем, уперев руки в колени, и ухмыльнулся: – Придём мы такие в Берлин, а там немочки разгуливают. Мы-то с ребятами с ними плясать будем, песни петь да в койках барахтаться, а ты чего? Книжки им свои читать будешь?

– Ничего не буду, – буркнул Андрей. – У меня, между прочим, невеста есть. Ульяна.

– Невеста! – передразнил его Мыльников и заржал: – Невеста твоя где? Эва где! В России! А мы тут! А тут что? Правильно, Лагин, Германия! Германия, мать её так!

– Иди уже! Будешь мне ещё тут рассказывать, что с немками делать надо!

Когда Мыльников, наконец, ушёл, Андрей снова взял книгу. Мелкие буквы плясали перед глазами, сливаясь в одно пятно, и ему приходилось подносить страницы почти что к лицу. И вдруг откуда-то донёсся слабый, едва различимый писк.

Андрей тут же наострил уши, но вокруг стояла тишина, и он вернулся к чтению. Графиня как раз должна была впервые встретиться с графом де Бюсси, которого спасла от смерти в ночном переулке, открыв перед ним дверь, и ему было до чесотки интересно, что же они скажут друг другу. Писк раздался снова, уже ближе, и Андрей обернулся, зашарил взглядом вокруг себя. Из-за кучи битых, почерневших от пламени кирпичей на него смотрела мордочка маленького рыжего котёнка.

Андрей нагнулся и поманил его к себе:

– Кис-кис-кис!

Котёнок недоверчиво дёрнул ушками и мяукнул, показывая острые, как рыбы кости, зубки, но потом всё же, хоть и с некоторой опаской, пошёл в руки. Андрей посадил его к себе на колени, выскреб со дна котелка остатки каши и положил на ладонь. Котёнок жадно умял всю порцию и поднял голову.

– Мяу!

– Что, ещё хочешь? – Андрей раскрошил ломоть хлеба и принялся по кусочку кормить его, почёсывая за ушком. – И давно ты тут сидишь, малец? Изголодался весь, поди.

Несмотря на свои миниатюрные размеры, котёнок съел три четверти куска хлеба, потом потёрся мордочкой об Андрея, зацепил когтями солдатский ремень и принялся месить лапами его ногу. Тот прижал к себе его тщедушное тельце и ласково погладил по клочкастой, но мягкой шёрстке.

– Бедолага, – протянул он. – И на тебя, мелкотню, войны хватило!

Спали они вместе. Котёнок свернулся уютным клубочком у Андрея в ладони и обнял пушистыми тонкими лапками за мизинец.

Утром, когда яркое весеннее солнце щедро разбросало свои тёплые лучи по изувеченному боями посёлку, в полку скомандовали наступление. Состояться оно должно было через час, ровно в восемь по московскому времени. Вернувшись с построения, Андрей вытащил из вещмешка котёнка, которого уже окрестил Филимоном – в честь своего погибшего друга Гришки Филимонова – и заглянул в его ясные жёлтые глазки.

– Ну, как ты тут? А мы в бой идём, так что тебя придётся спрятать. Вернусь – заберу тебя. Домой вместе поедем, будешь у нас с Улей жить.

Филимон мякнул, будто соглашаясь, и заёрзал в его руках. Андрей быстро построил из кирпичей подобие домика, накрыл сверху обгоревшей по краям доской, что раньше, по всей видимости, была частью пола, и посадил туда своего нового питомца. Филимон задрал голову и запрядал ушками, потом встал на задние лапы и попытался вылезти.

Андрей мягко опустил его обратно.

– Слушай боевую задачу, боец! – строго приказал он и поскрёб его между ушек. – Сидеть тихо, не высовываться, не подавать никаких признаков жизни! С противником в бой не вступать! Ждать моего возвращения!

Филимон послушно уселся и принялся деловито умываться. Андрей ссыпал в угол домика заранее раскрошенный хлеб, поставил миску с водой, которую в нахалку спёр налевой кухне прямо из-под носа у повара, и вскочил на ноги. Котёнок стал важен для него, нашёл своё место в его суровой солдатской душе, и он хотел во что бы то ни стало сбересть животинку.

Немцы, увидев их, тут же принялись яростно огрызаться огнём из пулемётов. Рвались снаряды, свистели пули. Пот нещадно заливал глаза, и Андрей до боли тёр веки перемазанной в грязи рукой, пока очередной взрыв не откинул его назад. Он скатился в воронку, загребая ладонями рыхлую землю, со стоном перевернулся на спину и несколько секунд лежал без движения. Над головой плыл чёрный дым, а сквозь него пробивались тонкие солнечные лучи и падали на лицо.

Андрей попытался приподняться, но острая жгучая боль впиалась в плечо безжалостным зубастым зверем, и он закричал. Словно сквозь пелену тумана ворвались звуки: снова засвистели пули, забахали взрывы, затрещали автоматы. Кто-то истошно вопил совсем рядом, а потом крик резко оборвался.

Андрей выкарабкался из воронки. Холмистое, кое-где поросшее редкой травой поле было усеяно телами, среди которых ползали на брюхах две молодые девчонки: новенькая медсестра Любка и Алёнка. Любка была босой. Она с трудом волокла за собой раненого солдата, обхватив его руками за грудь, и что-то безостановочно приговаривала сквозь крепко стиснутые зубы.

Алёнка перевернула на спину очередного бойца. Вместо лица у него было кровавое месиво. Она перекрестилась, накрыла его посечённой пулями каской и поползла назад.

– Алёна! – что было сил заорал Андрей, зажимая ладонью кровоточащее плечо, и захлебнулся собственной слюной. – Алёна, я тут!

Медсестра обернулась, но тут же ткнулась лицом в прелую сырую землю: рядом снова бабахнул оглушительный взрыв. Андрей, зажимая ладонью кровоточащую рану, пополз к ней. Она распахнула свою матерчатую сумку с красным крестом, вытащила бутылку со спиртом, клок желтоватой ваты и моток бинта.

– Зацепило, миленький? – участливо поинтересовалась она, поливая рану спиртом из горлышка. – Ну ничего, у тебя тут не страшно. Сам ползти сможешь?

Андрей закивал. Глаза застилала красная пелена, плечо нещадно жгло. «Как это не страшно?» – подумал он. Всю руку до самых пальцев залило кровью, зубы непроизвольно отстукивали чечётку, и чувствовал он себя так, будто вот-вот испустит дух.

В блиндаже Алёна как следует обработала ему рану, умеючи вытащила осколок пинцетом и крепко перемотала бинтами.

– Ну вот. Теперь в госпиталь.

Наступление завершилось победой: немцы были полностью выбиты со своих позиций и теперь позорно бежали, прикрывая задницы касками. Уже вовсю разошёлся ясный апрельский день, нежные белые облака лёгкими перьями повисли над недавним полем боя, солнце ярко улыбалось с голубого неба. Кое-где ещё дымились разорвавшиеся снаряды, и лёгкий ветерок подхватывал клочкастый чёрный дым, закручивал спиральками и стелил над лугом, то прижимая к земле, то взметая вверх.

Андрей лежал на носилках в блиндаже. Рядом сосредоточенно стучал ключом радист, что-то попутно записывая карандашиком в маленький блокнотик, а командир радостно орал в телефонную трубку:

– Конечно, товарищ генерал! Что, тикают немцы! Бегут, товарищ генерал, бегут так, что только пятки сверкают! Да, товарищ генерал! Будет исполнено, товарищ генерал! Благодарю, товарищ генерал!

Он грохнул трубку на аппарат. Алёнка встала из-за стола и протянула ему какую-то бумажку.

– Вот, товарищ майор, всё выписала. Всего четырнадцать человек.

Командир сверкнул радостной улыбкой и вдруг схватил её за плечи и крепко расцеловал в обе щёки. Алёнка только и успела, что охнуть от неожиданности.

– Дорогая ты моя! – громким командирским голосом гаркнул он. – Алёнушка! К награде тебя представляю, душенька!

– Да за что ж, товарищ майор? – выпучила глаза Алёна. – За справки?

– За справки, голубушка, за справки!

Он легко подхватил её на руки и закурил.

– Ой! Ай! – сквозь хохот визжала Алёна. – Ой, поставьте, товарищ майор! Поставьте! Лучше вон Любку крутите, она-то незамужняя, а у меня муж имеется!

– Что муж имеется, это хорошо! – воскликнул командир, опустил Алёну на пол и повернулся к Андрею. – И тебя, боец, тоже к награде! За смелость!

Андрей слабо улыбнулся. У него сильно кружилась голова, в глазах периодически темнело. Алёна сказала, что это от кровопотери. Рану жгло раскалённым металлом, отдаваясь резкой болью по всему телу.

А когда он уже ковылял к грузовику, что должен был доставить раненых в госпиталь, вдруг вспомнил о котёнке и чуть было не хлопнул себя по лбу от досады: и как только мог запомнить?! Он кинулся было в сторону разрушенного кабака, но был остановлен твёрдой Любкиной рукой:

– Куда собрался, боец? А ну полезай в кузов, я за вас, оболтусов, головой отвечаю!

Андрей отодвинул её в сторону и пошёл дальше. Любка догнала его и железной хваткой вцепилась в локоть.

– А ну обратно, я сказала! – сердито насупилась она. – Ишь, разбегались они тут, нихай как тараканы!

Он посмотрел в её суровые серые глаза. Держала Любка его крепко, с силой, какую не положено иметь девушке её комплекции.

– Люба, – вкрадчиво сказал он. – Люба – это любовь значит?

– Ну любовь, – буркнула она. – И что с того?

– А то, – Андрей широко улыбнулся, – что должна ты понимать, что там живая душа осталась. Забрать надо.

– Какая ещё живая душа? – Её брови поползли вверх, испещрённый веснушками лоб собрался в мелкие складки. – Раненый, что ль?

– Нет, – честно ответил Андрей. – Котёнок мой там. Филимон.

– Что-о?.. – Люба удивлённо раскрыла рот. – Дурак что ль? Быстро в кузов, я сказала!

Она решительно потянула его назад, но Андрей ловко вывернулся и широкими скачками побежал к бывшему кабаре, напрочь позабыв и о ране, и о головокружении, и о кровопотере.

– Ух, котяра вшивый! – сердито крикнула вслед медсестра.

Писк Филимона он услышал ещё метров за десять. Котёнок жалобно мяукал, пытаясь выкарабкаться из-под доски, просовывал мордочку в щель. Андрей выхватил его и прижал к себе.

– Ну что, малой? Испугался уже, думал, не приду?

Филимон сердито фыркнул и заизвивался в его руках, а Андрей развернулся и со всех ног припустил обратно. Как бы не наказали его за эту мини-самоволку! Но командир сегодня пребывал в отличном расположении духа и на Любушкины возмущённые жалобы только махнул рукой. Андрей сунул котёнка за пазуху и, уцепившись за борт полуторки, ловко вскочил в кузов. Люба забралась следом и сунула кулак ему под нос.

– Унюхал, чем пахнет, животновод? – грозно спросила она, стащила с головы белую косынку и стегнула Андрея по лицу. – Вот тебе! Вот!

Косынка мелькала в воздухе маленьким белым парусом. Андрей поднял руку, защищаясь от Любушкиного гнева.

– Люб... Люба! – сквозь смех говорил он. – Ну хватит! Люба! Я и так раненый! Ну Люба!

Люба окинула его хмурым взглядом и принялась повязывать платок обратно на голову. Её тёмно-русые волнистые волосы блестели глянецом в солнечном свете, в прядках вспыхивали яркие искорки, а в больших, опущенных длинными ресницами серых глазах плескалось недовольство.

– Да ладно тебе, сестричка, – вступился за Андрея кто-то из солдат. – Не просто так же бегал, вишь, животное спас. Да и не опоздали мы.

Люба хмыкнула и деланно безразлично отвернулась. Полуторка зафырчала мотором, затряслась по ухабистой просёлочной дороге и свернула к шоссе. Филимон высунул мордочку из растёгнутой гимнастёрки и замяукал, забарахтался что было сил. Андрей погладил его пальцем и миролюбиво сказал:

– Смотри, какой красавец! Ты ему нравишься. Ну посмотри!

Госпиталь был забит до отказа. Сновали по широким коридорам врачи, хлопали двери, где-то надрывался телефон. В фойе у росшей в большой кадке раскидистой пальмы толпились несколько человек в коричневых больничных палатах. Врач осмотрел рану Андрея, промыл каким-то желтым раствором и определил его в восемнадцатую палату – для лёгких.

– И скоро меня выпишут? – поинтересовался Андрей, натягивая гимнастёрку.

Врач что-то записал в карточке и сунул её в папку.

– Недельки две, думаю. Может, три. Посмотрим, как рана будет себя вести.

– Как через две? – оторопел Андрей. – Нет, товарищ военврач, так не пойдёт! Это получается, ребята на Берлин пойдут, а я тут валяться на койке буду?!

– Что поделать, – развёл руками врач. – Придётся поваляться. Раненым воевать вас никто не возьмёт.

Андрей хотел было снова возмутиться, но тут из шинели, в которую он укутал Филимона перед тем, как войти в госпиталь, послышалось приглушённое мяуканье. Врач встрепенулся, вскинул глаза и обвёл кабинет взглядом сквозь толстые линзы круглых очков.

– Это ещё что? Животное в помещении?

Андрей неопределённо пожал плечами, схватил шинель с котёнком внутри и поспешил ретироваться. Незнакомая медсестра провела его по коридору, несколько раз свернула направо и поднялась по широкой бетонной лестнице на второй этаж.

– Вот восемнадцатая, – мило улыбнулась она.

Андрей кивком поблагодарил её и вошёл в выкрашенные синей краской двойные двери. Помещение было сплошь заставлено койками, на обклеенной узорчатыми обоями стене висел портрет Сталина. Худой мужичок с перебинтованной рукой смолит папироску у окна, выпуская в дышащее апрельским теплом пространство струйки сизого горького дыма, а росший напротив платан шелестел нежно-зелёной листвой. Паркетный пол покрывал ворсистый ковёр.

– О, новенький, – приветствовал он Андрея. – Откуда пожаловал?

– Тысяча сто седьмой стрелковый, – ответил тот.

Филимон снова замяукал. Несколько солдат подняли головы, один оторвался от книги и с интересом посмотрел на Андрея.

– У тебя там что, кот?

Андрей растерянно кивнул и вынул Филимона из шинели. Тот радостно запрядал ушками и издал тоненькое писклявое «мяу» – будто здоровался со всеми.

– Какой хороший! – умилился кудрявый юноша с перебинтованной головой, представившийся Иваном, и протянул к нему руку. – Можно погладить?

Через час историю спасения котёнка знали все. Ребята достали кто что из личных запасов еды – кто хлеба, кто колбасы, кто сушёного мяса – и Филимон с аппетитом принялся уминать угощения. Вокруг него собралось не меньше десятка человек, и каждый норовил его погладить или потрепать за ушко.

– Теперь он не просто котёнок, а боевой котёнок, – с улыбкой сказал Иван. – Так сказать, сын полка!

Медсёстры, увидав котёнка, принялись возмущаться: не положено, мол, животному находиться в лечебном заведении, заразу разносит! Блохонос, мол! Даже пытались отобрать его, но Андрей спрятал котёнка за спиной и, насупившись, грозно надвинулся на медсестру – грузную женщину средних лет с курносом носом, дряблыми красными щеками и массивным вторым подбородком.

– Никакой он не блохонос! И заразу не разносит! Если его выкинуть вздумаете, то и я с ним пойду, а не отдам!

– Ишь ты! – усмехнулась та. – Защитничек кошачий! Давай сюда, говорю!

Она навалилась на Андрея, пытаясь вырвать котёнка из его рук. Животных она явно не любила. Но забрать Филимона ей не позволили: встали на его защиту всей палатой, и медсестра, недовольно поджав губы, всё же сдалась и разрешила оставить, предупредив, что знать о нём никто не должен, иначе нагоняй получают все. И солдаты, и котёнок, и она сама. А Филимон беззаботно скакал по койке в попытках поймать солнечный зайчик, и перепалка его, по всей видимости, ничуть не волновала. Он стал отдушиной, маленькой радостью для уставших, измотанных бесконечными боями солдат, и даже не подозревал об этом.

По ночам Андрей думал об Ульяне, вспоминал тёплый взгляд её зелёно-карих глаз, лучистую улыбку и живой весёлый смех. Эх, увидеть бы её поскорее! Последний раз они встречались год назад, когда ему предоставили отпуск по ранению и он поехал домой. Тогда Андрей сразу же заметил, как она изменилась: стала взрослее, рассудительнее. Волосы её теперь были уложены в модную замысловатую причёску, на губах алела яркая помада, лёгкие девчачьи платья и сарафанчики сменили элегантные, подобранные со вкусом костюмы. А ведь раньше она презирала косметику и частенько повторяла, что никогда в жизни не станет краситься, ведь это делают только «падшие женщины»!

Они долго говорили об их отношениях, прикидывали, когда закончится война. Андрею не терпелось поцеловать её манящие, чуть пухловатые губы, но Ульяна упорно отворачивалась. А потом, внезапно разозлившись, сверкнула глазами и язвительно бросила:

– Вы, мужчины, только об этом думаете, да?

И, не мигая, уставилась на него. Андрей растерялся, отвёл в смущении глаза.

– Нет, не только. Просто я скучал по тебе очень сильно...

Он слюнявил обломок карандаша и писал ей письма на любых клочках бумаги, какие только удавалось раздобыть. Признавался в любви, мечтал о скорой встрече, рисовал словесные портреты своих однополчан, описывал германские пейзажи. И, отправив очередное письмо, принимался с нетерпением ожидать ответа, который не приходил уже больше полугода. Андрей не огорчался и не терял надежды. Мало ли, что могло случиться. Может, письма не доходят, а может, она просто переехала и скоро сообщит свой новый адрес.

Вот и в эту ночь Андрей, выпросив у дежурной медсестры чистый листок бумаги, уселся за письменный стол в коридоре и придвинул поближе тусклую лампу. Ему хотелось рассказать Ульяне о Филимоне, и он в красках описал ей котёнка, рассказал, как защищал его от толстой медсестры – «будто Москва за спиной моей, а не Филимонка!» – и как полюбили его все остальные ребята. «Кормим всей палатой, – с улыбкой писал он. – Лёнька, мой однополчанин, даже пытался выпросить его у меня, так ему Филька понравился. Но я не уступил. Филя поедет со мной домой, к тебе».

Он поставил дату, дописал внизу: «люблю», свернул листок в треугольник и сунул в карман халата.

На следующий день приехала полевая почта. Андрей с новыми знакомыми позавтракали рисовой кашей с молоком в столовой и отправились на прогулку. Погода стояла просто чудесная – тёплая, безветренная. Кто-то играл в футбол в госпитальном парке. В коридоре у выхода к фойе брэнчал на клавесине совсем ещё юный паренёк. Голова его была перемотана бинтом со следами высохшей запёкшейся крови, на молодом лице пробивалась жидкая бородёнка, а через всю щёку к виску тянулся длинный уродливый шрам. Он что-то неразборчиво бормотал себе под нос, перебирая пальцами клавиши.

Андрей прислушался.

– Потом они кидались камнями, – различил он. – Положили маску мне на лицо, сказали: «мальчик, только никому не говори». И забрали осла, куда-то увели и пустили на тушёнку.

– Что он говорит? – изумился Андрей. – Как будто в бреду.

Иван махнул рукой.

– Он всё от наркоза никак отойти не может, вторые сутки уж пошли. И контуженный ещё. Целыми днями тут брэнчит на инструменте этом. – Он вытащил из кармана пачку папирос со спичками. – Может, с ума сошёл. Говорят, он из штрафбата, а там каких только страстей небось не насмотришься. У нас в деревне один так тоже сбрендил. Увидел, как его мамка мужика, что к ней приставал, вилами заколола, и всё, ту-ту. Тоже чушь всякую потом болтал.

В густой зелени листвы чирикали беззаботные птички. Андрей опустил на мраморную резную скамью и с наслаждением вдохнул чистый вечерний воздух. У ворот тарактели заведёнными моторами две полуторки, курил с недовольной миной какой-то сержантик. А чуть поодаль, под сенью раскидистой молодой липы, весело наяривал на аккордеоне безногий мужичок. Костыли были аккуратно прислонены к стволу дерева.

Когда приехал почтальон, люди тут же столпились вокруг него. Почтальон перебирал тонкими пальцами фронтные треугольнички, выкрикивая поочерёдно имена.

– Капитан Карташов, двадцать восьмая танковая дивизия! Есть такой?

Вперёд вылез какой-то сухощавый поджарый мужчина, и почтальон вручил его треугольник.

– Вот, держи письмецо, Карташов. Мичулин, восемьсот тридцать второй истребительный! Мичулин! – Он вытянул шею, оглядывая людей. – Ладно. Рунков, шестнадцатая мотострелковая! Рунков!

– Помер он вчерась ночью, – пробасил высокий парень. – Похоронку уж отправили поди.

Почтальон сунул письмо в карман. Андрей смотрел на его большую кожаную сумку, набитую письмами, и молился, чтобы и его фамилию произнесли. И только он подумал об этом, как почтальон выкрикнул:

– Лагин, тысяча сто седьмой стрелковый!

Сердце радостно подпрыгнуло, и Андрей протиснулся сквозь толпу. По лицу потянулась счастливая улыбка. Он выхватил письмо из рук почтальона и глянул на обратный адрес. От Ульяны!

Прижимая к себе заветный треугольник, Андрей вернулся на скамейку и дрожащими от волнения пальцами раскрыл его. «Наконец-то, наконец-то!» – ликующе пела душа.

«Здравствуй, Андрей, – сухо писала Ульяна. – Прости за долгое молчание, никак не доходили руки тебе написать. Все твои письма я получала. Длинно писать не буду, морочить тебе голову тоже. Я вышла замуж. Месяц назад. Пойми, что я просто устала тебя ждать. Мой муж – лётчик, сейчас по ранению находится в тылу. Мы любим друг друга и очень счастливы. Желаю тебе тоже найти своё счастье. И прости меня, если что».

И всё. Больше ни слова. Андрей скомкал листок в ладони, уставившись в одну точку, потом разгладил и снова перечитал сухие короткие строчки. Вышла замуж... за лётчика... Пока он подставлял себя по пули, пока рисковал каждый день своей жизнью, лелея в мечтах её образ, она крутила роман с каким-то лётчиком, а потом выскочила замуж. И даже не посчитала нужным сообщить ему об этом сразу.

Душу захлестнула горькая обида. Андрей бросил смятое письмо на землю и принялся яростно топтать его, будто это оно виновато в Ульяниной измене. Вот тебе, получай! Вот тебе!

– Что, девица бросила? – спросил кто-то.

Андрей вскинул голову. Щёки жгло огнём, в глазах плескалась яростная обида. Перед ним стоял тот самый безногий мужичок и, тяжело опираясь на костыль, держал двумя пальцами у губ обкусанную папироску.

– Нет, – сквозь зубы процедил Андрей и отвернулся. Меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы кто-то знал о его личных неудачах.

– Да ладно, – добродушно усмехнулся мужичок. – Я ж не вчера родился, да и воюю не первый день. Так, как ты, себя ведут те, кому девица изменила.

Андрей вспыхнул и с вызовом посмотрел на него.

– А вам-то что?

– Ничего, – пожал он плечами, проковылял к скамейке и опустился рядом. – Сказать тебе одну вещь хочу. Девушка существо непостоянное, изменчивое. Был бы ты рядом, была б с тобой. Нет тебя – другого нашла. Такая у них натура, и обижаться тут не на что. – Он помолчал. – Меня самого жена бросила в сорок третьем. И я тоже переживал крепко, как ты. А потом понял, что не из-за чего переживать. Ворочаемся домой скоро, а там и других себе найдём.

– Других... – протянул Андрей и возмущённо воскликнул: – Других! Много вы понимаете! Да не найду я больше такой! Одна она такая!

Мужичок снова усмехнулся и затянулся папиросой.

– Это в тебе кровь молодая бурлит. По молодости всегда кажется, что вот она – одна и навсегда. А потом на её место вторая приходит, третья, а ты даже не замечаешь, как забываешь ту самую, первую, которую клялся до смерти любить. – Он дружески похлопал Андрея по плечу и выставил вперёд ногу. – Видишь, одна нога у меня есть, а второй уже нет. Только эту потерю нельзя восполнить, нельзя новую ногу отрастить. А девиц ты ещё сотню отыщешь, сердечные раны, они, знаешь... имеют свойство затягиваться.

Андрей задумчиво глядел перед собой. Может, и прав этот мужик, да только саднит на душе невыносимо. Он поблагодарил собеседника кивком и заковылял к себе в палату. Ему не хотелось ни о чём думать, ни о чём вспоминать.

Филимон ждал его, свернувшись клубочком на подушке. Андрей погладил его, потянул за тоненькую лапку. Котёнок недовольно мяукнул, впился зубами в палец и, обхватив его, принялся пинать задними ногами. Нет у него теперь невесты, зато есть замечательный найдёныш

Филимонка. Он вытащил из кармана написанное вчера письмо и порвал напополам, потом сложил обрывки и порвал ещё раз.

Дверь со скрипом отворилась, и в палату заглянула Люба.

– Лагин! – воскликнула она. – Ты тут! А я тебе подарочек принесла!

Она вошла, осторожно прикрыла за собой створку.

– Какой подарок? – любопытствовал Андрей.

Филимон подскочил, спрыгнул на пол и засеменил к Любиным ногам, потёрся о тонкие лодыжки. Люба лучезарно улыбнулась и, склонившись, погладила его по голове.

– Вот такой подарок. – Она вытащила из кармана медицинского халата ложку и присела на койку рядом с ним. – Смотри. Вчера трофеи притащили. Ну мне две ложки немецкие и дали. Я тебе решила одну подарить.

Андрей благодарно улыбнулся, принял подарок и спрятал в ящик тумбочки. Почему-то только сейчас он вдруг заметил, какая Люба милая: на круглом веснушчатом лице сверкали, как два драгоценных камня, широко распахнутые серые глаза, на пухлых щеках играли две очаровательные ямочки, а над ровной бровью красовалась маленькая, почти незаметная родинка. И тут Андрею в голову пришла поистине безумная идея.

Люба сконфуженно кашлянула, отвела глаза и поправила косынку на голове – ту самую, которой била его за Филимона.

– Ну чего ты так уставился-то, Лагин?

– Я? Ничего. Люб, я тут вот что подумал...

Он запнулся. На колени прыгнул Филимон и ткнулся носом ему в живот. Люба хихикнула, погладила его по блестящей шёрстке.

– Ну так что ты подумал?

Андрей глубоко вдохнул воздух, задержал в груди на несколько мгновений и сказал вместе с выдохом:

– Выходи за меня замуж!

В палате повисла пронзительная неловкая тишина. Люба пялилась на него во все глаза и молчала, а Андрей разволновался так, что сдавило горло. А что, если она откажет? Засмеётся?

– А ты чего это... – наконец заговорила она. – Контузило тебя что ли? Или жар?

Её прохладные пальцы легли ему на лоб. Андрей увернулся.

– Не контузило и не жар. Я серьёзно говорю. Пойдёшь замуж?

– Пойду, – ответила она.

Волнение опрокинулось на него новой волной, в ушах зашумело. Андрей нахмурился, потом улыбнулся, и уставился в красивые Любины глаза.

– Пойдёшь?

– Пойду, – твёрдо повторила она.

– Тогда... – Андрей поднял Филимона за шкурку. – Придётся вместе с ним жить. И так согласна?

– И так согласна, – засмеялась Люба.

Через неделю командир расположившегося неподалёку пехотного полка, сам волнуясь, как первоклашка на линейке, расписал их и с торжественным поздравлением вручил свидетельство о браке.

– Я это... – кашлянул он и неловко поправил фуражку. – Первый раз расписываю молодожёнов! Волнительное дело, однако!

Андрей пробежал глазами по строчкам. Почему-то не верилось, что он теперь женат. Причём женат на медсестре из их полковой медсанчасти.

Но он ни капли не жалел о принятом решении. Чем дольше он смотрел на Любу, тем сильнее его душу захватывало невольное восхищение, и он поражался, как же мог не замечать эту девушку раньше. Нет, она не была красавицей, но обладала чем-то таким, что привлекало,

тянуло, манило. Манило удивительной загадочностью, которая скрывалась в очаровательной, непосредственной простоте.

Люба была прелестной. Чудесной. Такой, каких тысячи, но всё же единственной. Восхитительной простушкой.

В тот же день они щёлкнули фото на память. Андрей попросил фотографа сделать два экземпляра, один из которых в тайне от молодой супруги отправил Ульяне. На обороте он специально указал не настоящую дату, а полугодичной давности, и коротко приписал: «Прости. Не решался тебе сказать. Но ты сама решила проблему».

Ему несколько не было стыдно за свой поступок, ведь он действительно влюбился в Любу за ту короткую неделю, которую они считались женихом и невестой.

Ещё Андрей отправил письмо в Свердловск, матери. «Дорогая моя мамочка! – аккуратно вывел он трофейными чернилами на тетрадном листочке. – Я возвращаюсь домой с женой и котёнком!»

Поезд стучал колёсами, протяжно свистел и нёсся сквозь чёрную непроглядную тьму. Снопы паровозных искр стелились по покрытой мраком земле, путались в траве и гасли, царапали металлические бока эшелона. Мимо проносились бурно поросшие высокой травой косогоры, леса, поля, деревеньки, мелькали иногда вдали размазанные огни городов.

Андрей поднялся с расстеленной на соломе плащ-палатки и зашарил вокруг себя в темноте, ища фляжку с водой. Пальцы наткнулись на что-то холодное и металлическое. Кружка, – догадался Андрей.

– Ты чего не спишь? – спросил сзади сонный девичий голос.

– Попить встал, – шепнул Андрей. – Ты спи, спи.

Он наконец нашёл фляжку, впотьмах отвинтил пробку и глотнул прохладную свежую воду.

Уже четвёртые сутки они ехали на Восток. Домой. Им с Любой, как молодожёнам, позволили ехать в отдельном вагоне. Берлин пал, оставшиеся в живых немецкие генералы безоговорочно капитулировали, признав за русскими победу. В тот день, когда объявили об этом, Берлин ликовал. Не немцы – Красная Армия. Немцы наоборот в страхе попрятались по домам. Солдаты с громкими радостными воплями вовсю палили из автоматов и плясали прямо посреди заваленных обломками, разрушенных улиц. И Андрей с Любой радовались вместе со всеми – правда, в госпитале, а не в немецкой столице.

Но оставить свои подписи на Рейхстаге они всё же успели – после того, как Андрея, наконец, отпустили из госпиталя. Они с Любой до самой полуночи бродили по Берлину, взявшись за руки и счастливо улыбаясь друг другу. Филимон спокойно сидел за пазухой. Сперва его напугали выстрелы, он несколько раз пытался убежать, до крови царапая руки, а потом крепко уснул.

«Я люблю Любушку», – написал Андрей куском угля на мощной колонне у главного входа в святая святых уже несуществующего Третьего Рейха. Люба заливалась весёлым серебристым смехом за его спиной, потом отобрала уголёк и нацарапала чуть ниже: «А я люблю Андрея». Андрей подхватил её за талию.

– Душа моя! – воскликнул он. – Родная!

Жить хотелось до одури, до крика, рвущегося из дважды раненой груди. Воздух Берлина пьянил, тянул глянцево-зелёный лист старый, чудом не сгоревший платан. Хотелось оставить, наконец, позади войну.

«Мы скоро вернёмся домой», – написали они, вместе держа уголёк.

И вот они едут домой. Германия давно осталась позади, и теперь перед ними раскинулась необъятная родина.

Андрей вернулся к жене, обнял её и крепко прижал к себе. Люба тихонько вздохнула, провела пальцами по его гладко выбритой щеке, звонко чмокнула в губы. Он ощущал её дыхание на своём лице, и сердце сладко-сладко сжималось. А ведь это Ульяну стоит благодарить за внезапно свалившееся ему на голову счастье! Если бы не она и её лёгчик, он бы так и не заметил прекрасную девушку по имени Любовь рядом с собой.

– Дурак ты, Лагин, – тихо засмеялась Люба. – Улыбаешься чего-то сам себе. Я когда тебя впервые увидела, так сразу и подумала: дурак какой-то.

– Почему сразу дурак? – картинно надулся Андрей и, перевернувшись на спину, скрестил руки на груди. – Я не буду с тобой разговаривать, ты обзываешься!

– Вот потому и дурак. – Люба приподнялась на локте. – Но почему-то понравился ты мне тоже сразу.

– Это потому ты меня косынкой била? – засмеялся Андрей.

Откуда-то из темноты замяукал Филимон, и через секунду Андрей ощутил на своём животе его тонкие лапки. Он нагло прошёлся по нему, залез между ними с Любой и улёгся спать.

Ангел Соня

Командира второй роты сто пятьдесят третьей стрелковой дивизии, капитана Лемишева, ранило 23 ноября 1942 года. Ранило тяжело. Ногу выше колена разворотило практически в мясо, а порезов и рваных ран на теле было столько, что и по пальцам не посчитать – немецкая граната взорвалась всего в метре от него. Из-за большой кровопотери Лемишев не приходил в себя, и уставшие, измотанные не меньше солдат врачи решили не использовать анестезию – зачем, если раненый и так без сознания. Кроме двух врачей, что оперировали его, об этом знала только медсестра Соня, которой строго-настроено наказали держать рот на замке.

– Сейчас не пойми что творится, – сказал Сан Васильич. – Начальство как с ума посходило, так что мало ли... Не говори на всякий случай. Никому. Поняла?

Соня кивнула, хотя слов хирурга практически не слышала – она с тихим ужасом смотрела на лежащего на продавленной койке Лемишева. Мундир и шинель с него сняли, гимнастерку наспех разрезали ножницами; вставшие колом от высохшей крови края ткани прилипли к коже. Смотрелись раны страшно, и Соне приходилось снова и снова сдерживать подступающую к горлу тошноту.

На фронт она прибыла сравнительно недавно – всего-то два месяца назад, но искренне полагала, что и за эти два месяца насмотрелась такого, что и в страшном сне не привидится. Сколько жизней оборвалось у неё на глазах, сколько молодых красивых парней стали инвалидами, сколько сошли с ума! Соня уже и лиц их не помнила: они проходили нескончаемой окровавленной чередой, один за другим, один за другим... Ей казалось, что душа её давно зачерствела – она уже без какого-либо страха и горечи выписывала похоронки – эти скорбные серые бумажки с сухой информацией, закрывала окоченевшие веки, сносила в братскую могилу тела молодых ребят. Первое время каждая смерть вызывала у неё внутреннее содрогание и жгучую, нестерпимую боль, теперь же она не реагировала практически ни на что.

Но при одном взгляде на Лемишева в глазах у неё темнело. Ей казалось невероятным, что, потеряв столько крови, Лемишев всё ещё жил – отчаянно боролся за каждый вдох, но всё-таки жил. Глаза запали, и под ними пролегли тёмные круги, на выпуклом белом лбу блестели маленькие капельки холодного пота, ноздри вздрагивали и округлялись. Иногда бескровные, белые как бумага губы размыкались, и тогда Соня подносила к ним стакан с водой. Руки отчаянно тряслись, и сколько бы она ни пыталась успокоиться, ничего не помогало – ни морозный ноябрьский воздух, ни умывание ледяной водой. Даже стакан чистого спирта никак не действовал.

Медикаментов катастрофически не хватало. перевязочные материалы можно было посчитать по пальцам, и большинству бойцов раны перематывали обычной тканью: разорванными на полосы халатами, платями и ночными рубашками – всем, что только удавалось сыскать. Когда кончались и эти «бинты», в ход шли мешковина и даже обрывки брезентовых плащей – всё лучше, чем совсем ничего. Потом эти жалкие полоски ткани полагалось тщательно выстирать и прокипятить, после чего их снова пускали в ход, зачастую с пятнами так и не отстиравшейся крови. А порой и времени на стирку не хватало – с каждым днём раненых поступало всё больше.

Лемишев зашевелился и что-то неразборчиво пробормотал. На мгновение веки его приподнялись, и Соня увидела мутный взгляд светло-карих глаз. К горлу подкатила новая волна удушающей, липкой тошноты, и она машинально прижала ко рту ладонь.

– Давай, Сонечка, – устало вздохнул Сан Васильич и отёр пот с лица засаленным краем рукава. – Готовь капитана к операции.

Соня сглотнула.

– Хорошо...

Она знала – нет, была твёрдо уверена, что Лемишев умрёт. Ну не живут с такими ранениями, не живут!.. Удивительно, что его до медчасти-то доволочь успели.

Она осторожно, стараясь не беспокоить его, стянула с него гимнастёрку, дрожащими пальцами расстегнула штаны, стараясь не касаться рваных краёв ран. В некоторых местах ткань пришлось буквально отдирать от тела, но Лемишев не реагировал, лишь тяжело, натужно дышал. Точнее, хрипел, будто лёгкие отказывались вбирать в себя воздух, и ему приходилось насильно его туда пропихивать.

На глазах вдруг выступили горячие слёзы, и Соня зажмурилась на мгновение, проглотив вставший в горле огромный ком. Всё-таки страшно это, тяжело – война.

Всю операцию она ждала и боялась, что капитан вот-вот испустит дух. Каждую секунду ей казалось что вот, сейчас его дыхание оборвётся, но вопреки всему оно не обрывалось. Соня автоматически ассистировала хирургу, а сама неотрывно глядела на лицо Лемишева – на нём не дрогнул ни один мускул, когда тонкие сверкающие щипцы раз за разом вонзались в его и без того искалеченное тело, когда Сан Васильич зашивал края рваной раны, когда натягивал остатки кожи на открытое мясо и соединял их хирургической нитью.

Наконец все осколки, которых было ровно двенадцать – Соня посчитала – оказались в заменявшей медицинский лоток алюминиевой миске, а Лемишев вопреки Сониным страхам не умер.

Соня, ваяясь с ног от дикой усталости, обтёрла его тело и лицо мокрой тряпкой, убрала прилипшие ко лбу тонкие прядки волос и бережно накрыла стёганым покрывалом. Сердце глухо стучало в груди, в висках мягко пульсировало, и ей хотелось только одного – спать. Вдали, в междуречье Волги и Дона, рвались снаряды, грохотали пушки и гаубицы – шестую армию вермахта загоняли в кольцо где-то в районе Калача. Удастся или не удастся эта операция, не знал никто, и если утром Соня переживала за солдат, что вели там бои, то сейчас ей было абсолютно всё равно. Веки отяжелели, налились свинцом, и сопротивляться сну становилось всё труднее. Она кое-как добрела до маленькой подсобки и, не снимая заляпанного кровью халата, повалилась на жёсткую, усталую каким-то драным тряпьем лежанку.

Но толком поспать не удалось. Едва только Соня сомкнула веки, как кто-то начал настойчиво трясти её за плечо, вырывая из сладкой тёмной глубины сна.

– Сонька! Соня! – впился в мозг громкий голос. – Ты чего тут развалилась? Вставай, ещё партию привезли!

– М-м... – промычала Соня и нехотя открыла глаза. – Сейчас...

Зоя Пономарёва, единственный сержант из их блока, грустно улыбнулась.

– Давай. Тяжёлых много. И Васильич сбор объявил, так что быстрее.

– Встаю, встаю.

Соня кое-как села. Натруженная спина отчаянно ныла, голова раскалывалась, а пустой со вчерашнего дня желудок требовательно урчал. В углу, на колченогом, сколоченном на скорую руку столе коптила керосинка. Она отгоняла темноту, и та липла к стенам, расплзаясь по ним вязкой тиной.

Зоя вышла из подсобки, оставив дверь широко распахнутой. Соня наспех пригладила волосы, аккуратно перевязала косынку. Некогда белый халат измялся и пришел в негодный вид, но другого у Сони не имелось. Она крепкими узлами стянула истрёпанные до ниток тесёмки на рукавах, оправила подол и побежала вслед за Зоей.

В госпитале стоял тошнотворный запах лекарств, гноящихся ран и крови, солдаты лежали как попало: на скамьях, на койках, на полу. Двое врачей в спешке сновали туда-сюда, переступая через раненых, а они тянули к ним руки, отчаянно пытаясь уцепиться за подола белых халатов. Соня увидела раскрытые в безмолвных криках рты, пропитанные бордовой кровью бинты, оторванные конечности, и желудок вдруг скрутило жгутом. В горле запершило, и она судорожно закашлялась. Казалось, будто внутри, в самом желудке внезапно полыхнуло

яростное пламя и растеклось по венам обжигающей ледяной лавиной. Она кожей ощущала всю боль, весь страх и страдания, которыми насквозь были пропитаны эти стены с осыпавшейся от взрывов штукатуркой.

Она стояла и оглядывала открывшуюся перед ней картину, а в сердце маленькими червячками копошились разные чувства: растерянность, ужас, пронзительное сострадание и одновременно дикое, пугающее равнодушие. Идти туда, в самую гущу мучительных страданий, не хотелось. Но она должна – потому что если не она, то кто поможет этим несчастным в, быть может, последние минуты их жизни, кто хоть немного облегчит ту ужасную боль, что раздирает их искалеченные тела?

Соня решительно пошла вперед.

– Сестричка, помоги, – шептали отовсюду. – Сестричка, дай попить... воды... помоги... помоги... помоги...

Голоса сливались в один общий хор, наполняя помещение бывшего сельского ДК жужжащим гулом. Надломленные, истёртые голоса, хриплые, с надрывом. Кто-то тянул её за подол – совсем слабо, как новорождённый младенец, но Соня, сжав губы, продолжала идти.

Вся медрота в полном составе обнаружилась на улице. Медсёстры и врачи стояли на заметном снегом асфальте, прямо у выбитых ступенек высокого крыльца с колоннами. Соня поспешно спустилась и, повернувшись к Сан Васильичу, вытянулась в струнку.

– Товарищ лейтенант, разрешите встать в строй!

– Разрешаю, – буркнул тот и обвёл выстроившихся перед ним людей усталым, но пристальным взглядом. – Значит, так... Сегодня поступил приказ: капитана Лемешева перевезти в тыловой госпиталь. Важная, видать, птица, капитан этот, раз о нём так беспокоятся... аж там, наверху. – Он кашлянул, переступил с ноги на ногу, подышал себе на ладони. Под подошвами сапог хрустнул снег. – Ближайший к нам находится на том берегу Волги. Единственный доступный туда путь идёт через саму реку. Кто хочет быть добровольцем?

Никто не откликнулся. Перебираться через Волгу с тяжелораненым на руках было равносильно тому, чтобы подписать себе смертный приговор – покрытая льдом река простреливалась, и хоть палили немцы без прицела, шанс выжить составлял примерно один к десяти. Да и вероятность провалиться под лёд была немаленькой.

Сан Васильич тихо вздохнул и принялся расхаживать вдоль строя.

– Здесь мы не можем оказать ему нужную помощь. Сами знаете. Поэтому... – Он запнулся, поднял свои светлые, опушённые длинными рыжими ресницами глаза и горестно усмехнулся: – Я понимаю, что это опасно. Но сейчас, ребята, опасно везде. Война! Ещё раз спрашиваю: добровольцы будут?

И тут, неожиданно для самой себя, Соня сделала шаг вперед.

– Я, товарищ лейтенант.

Сан Васильич хмыкнул и с головы до ног окинул её критическим взглядом. Соня зябко повела плечами. Холодный северный ветер ударил по лицу своей колкой рукой, бросил в глаза пригоршню мелкого снега и запутался в перекинутой через плечо растрёпанной русой косе.

– Молодец, Златоумова, похвально. Вот только сомневаюсь, что допрёшь ты его. Ты себя в зеркало видала?

– А что со мной не так? – возмутилась Соня и вскинула голову.

Она ненавидела, когда её принимали за хрупкую, слабую девушку. А из-за телосложения её чаще всего именно за такую и принимали: рост, едва-едва дотягивающий до ста шестидесяти пяти сантиметров, худые, как у подростка плечи и выпирающие ключицы, тоненькая талия и изящные запястья и пальцы. Частенько её принимали и за ребёнка, что злило Соню особенно.

Она с вызовом посмотрела Васильичу прямо в глаза и вздёрнула подбородок, всем своим видом выказывая возмущение.

– Всё с тобой, Златоумова, так. Только худая ты больно.

– Не худая! – возразила Соня. – Я от природы такого телосложения. А так сильная, только силу не видно!

– Силу не видно! – передразнил Сан Васильич. – Ладно. Пойдёшь вместе с... – Он оглядел строй. – Вон, с Пономарёвой пойдёшь. Она здоровая, крупная, вдвоём авось справитесь. Вольно, разойтись.

С этими словами он развернулся и решительно зашагал к крыльцу. Соня с Зоей переглянулись и одновременно двинулись вслед за ним.

Через два часа Лемишев уже был готов к транспортировке. Девушки закутали его в четыре одеяла и уложили на широкие деревянные санки. Соня набрала горячей воды во все фляжки, какие ей удалось найти, и как могла закрепила их верёвками. Обогрев, конечно, не ахти какой, да и остынет вода через час-полтора, но всё же лучше так, чем совсем без ничего.

– Ну что, капитан, – вздохнула Зоя, глядя на Лемишева. – Поехали.

– Поехали! – наигранно бодро отозвалась Соня и подцепила прикрученную к передку санок толстую верёвку.

Широкие полозья легко заскользили по обледенелому снегу, и до берега Волги они с Зоей добрались без проблем. Слишком крепкий для конца ноября мороз кусал за щёки и нос и настырно забирался под плотно запахнутую шинельку. Под валенками весело хрустел тонкий наст, яркое зимнее солнце до боли слепило глаза, в лесу звонко лопалась от мороза кора на деревьях. Вместе с дыханием в воздух вырывались густые облачка пара. Пальцы мёрзли и в сшитых из дублёной овчины варежках, и Соня машинально сжимала их в попытке согреть, но суровый ветер тут же снова отбирал те жалкие крохи тепла, что ей удавалось собрать в своих ладонях.

Через полчаса она окоченела, казалось, окончательно: губы потеряли чувствительность, щеки полыхали ледяным огнём. Соня смотрела себе под ноги и старалась ни о чём не думать. Вот снег, вот кромка леса, вот тонюсенький лёд на ветках. Ремень ППШ сильно оттягивал правое плечо, и вскоре его начало ломить, дуло больно било по боку. Соня снова и снова поправляла толстую плотную ляжку, что так и норовила съехать, и поднимала воротник шинели в попытках спрятаться от жгучего мороза. Подол шинели покрылся хрупкой ледяной корочкой, в валенки пробрался снег и, растаяв, намочил наспех замотанные портянки.

Зоя молчала, и Соня даже не пыталась с ней заговорить: казалось, стоит ей только открыть рот, как язык превратится в кусок льда. Холод становился нестерпимым, а они ещё даже не дошли до Волги.

У берегов мороз полностью выбелил реку: километра на два вперёд вода полностью скрылась под внушительной толщей льда. Девушки, не сговариваясь, остановились.

– Как пойдём? – тихо спросила Зоя, оглядывая широкую, закованную в сверкающее белое покрывало Волгу.

Соня пожала плечами:

– Как-нибудь.

И они двинулись дальше. «Как-нибудь» – авось и пронесёт. Разве были у них варианты переправы? Нет. У них было одно только «как-нибудь». Как-нибудь перейдут, как-нибудь выживут, как-нибудь вернуться, а немец авось и стрелять не станет.

– Ты давай вперед, – уже на подходе к кромке льда решила Зоя, – а я за тобой. Смотреть буду. Если что, отстреливаться.

– Давай, – выдохнула Соня и, набравшись смелости, ступила на лед.

Санки съехали по небольшому пригорку и легко заскользили вслед за ней. Соня почти бежала – её обуял отчаянный, дикий, животный страх. Неизвестно, где сейчас немцы, видят их или нет. Каждую секунду она ждала выстрелов и невольно вздрагивала, когда под ногами хрустел лёд. Ещё чуть-чуть... ещё чуть-чуть... Страх гнал её с такой скоростью, что Зоя едва

поспевала за ней. Несколько раз Соня поскользнулась и падала, всякий раз больно ударяясь головой, но вставала и бежала дальше.

– Соня! Сонька!.. – закричала Зоя. – Стой, растяпа! Капитана потеряла, кулёма!

Соня замерла на месте и обернулась, а санки по инерции скользнули дальше и слабо дёрнули верёвку, что она держала в руке. Лемишев лежал на льду метрах в пяти позади неё. Она, озираясь по сторонам, пошла к нему, и вдруг её пробрал смех. Надо же! Раненый упал, а она и не заметила!

Они с Зоей с трудом погрузили капитана обратно. Из груди рвался смех, и Соня даже не пыталась его сдерживать. Улыбаться озябыми губами было больно, и она смеялась без улыбки – как-то не по-настоящему, неестественно. Зоя удивлённо глянула на неё, но ничего не сказала, и лишь когда Соня начала хохотать во всё горло, схватила за плечи и встряхнула с такой силой, что её голова заболталась из стороны в сторону.

– Ты что, подруга? С ума сошла? – испуганно крикнула она. – А ну возьми себя в руки! Нам вон еще сколько чапать, а ты уже с ума сходишь! А ну!..

Соня сбросила с себя её руки и с видимыми усилиями принялась вставать. Снова заныла спина, и ППШ стал казаться в два раза более тяжёлым.

– Нормально всё со мной. Идём дальше.

И тут по льду застрекотали пули. Соня в ужасе закричала и снова рухнула, прикрывая голову руками. Зоя упала на спину и вскинула свой ППШ, но стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась, и их снова окутала звенящая снежная тишина.

Капитан приподнял веки и посмотрел прямо перед собой мутным, как у пьяного, взглядом. Растрескавшиеся губы дрогнули.

– Немцы! – хрипло прошептал он. – Держать оборону! Ближко противника не подпускать!

И натужно закашлялся. Соня недоумённо слушала его едва слышный шёпот, прижавшись лбом ко льду. Ясно, что бредит, но бредит-то верно! Она осторожно подняла голову. Яркое зимнее солнце играло лучами в глубине толщи льда, скользило по поверхности ослепительным морозным отсветом и будто нарочно било прямо в глаза. Соня зажмурилась. Жизнь болталась на волоске, балансировала на краю бездонной пропасти, и сейчас она осознала это особенно чётко. Но самым удивительным было то, что страх вдруг пропал – словно растворился в переливчатом сиянии солнечных лучей, – а на его место пришли твёрдая решимость и уверенность: они доведут Лемишева в целостности и сохранности, а после вернуться сами.

Она встала на ноги. По подбородку потекло что-то тёплое, и Соня поднесла руку к лицу. Из носа бежала кровь. Красные капельки замельтешили на белом льду – словно стайка божьих коровок приземлилась у ног. В сверкающих ясных лучах солнца кровь казалась рубиново-алой.

Зоя на четвереньках подползла к Лемишеву.

– Не зацепило? – озабоченно пробормотала она, осматривая его со всех сторон.

Соня стёрла варежкой кровь с лица и решительно взяла привязанную к санкам верёвку. Впереди лежала закованная в ледяные кандалы Волга, вдали, на другом берегу, темнела длинная, окутанная в лёгкую сизую дымку щётка леса. Именно туда они и должны добраться – чего бы то ни стоило.

– Ты не знаешь, какая прицельная дальность у немецких пулемётов? – спросила она.

Зоя встала на ноги, оправила шинель, сдёрнула задравшийся ремень.

– Точно нет, – поколебавшись, ответила она. – Где-то километр вроде. Жених говорил... В глазах её блеснули слёзы, и она поспешно опустила ресницы.

Путь до середины реки они проделали в полном молчании, лишь хрустел под ногами лёд да каркали порой в вышине вороны. Соня старалась не смотреть на них – они наводили на мысли о смерти, их громкие, угрюмые голоса калёной иглой впивались в мозг. Вороны настырно кружили над ними, опускаясь всё ниже и ниже, – будто в ожидании добычи, и чем

громче, чем чаще они каркали, тем больше Соня торопилась вперёд. Ей казалось, что нужно обязательно обогнать их – и тогда и сама смерть останется позади.

Лемишев в себя больше не приходил. Суровый мороз разругивал его бледные впалые щёки, осел синеватым инеем на длинных ресницах и ровных густых бровях. Иногда Соня оглядывалась, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке, и снова прибавляла шагу.

В середине реки лёд оказался очень тонким и непрочным – сквозь него даже было видно тёмную воду. Соня несмело ступила на него и тут же отдёргнула ногу: хрупкая корочка легко, словно осколок хрустальной рюмки, хрустнула под валенком.

– Этого ещё не хватало! – выдохнула Зоя. – Тут не перейдёшь. Что делать будем?

Соня, щурясь, смотрела вдаль, вниз по течению реки. Мыслей в голову не приходило никаких, кроме одной: придётся идти. Идти по тонкому льду, каждую секунду рискуя провалиться и надеясь, что стрелять немцы больше не будут. Она поискала взглядом участок, где лёд казался более прочным, и снова проверила его валенком. Тот хрустнул, но не провалился, и тогда Соня решила встать на него.

Зоя с испугом в больших карих глазах следила за ней, крепко сжимая верёвку санок. Соня обернулась и улыбнулась ей.

– Попробуем здесь.

Она глубоко вдохнула и, не выдыхая, медленно пошла вперёд. Лёд угрожающе хрустел, и перед каждым шагом Соня проверяла его на прочность. Зоя двинулась следом, что-то бормоча себе под нос.

– Иже еси на небесах, – донёсся до Сониных ушей её голос. – Хлеб наш насущный дай нам днесь... да не введи во искушение... избави от лукавого...

– Не поможет тебе, Зойка, твой боженька, – усмехнулась она и сделала ещё один аккуратный шаг. – Как пить дать, не поможет.

Зоя не ответила, лишь продолжила бормотать – на полтона ниже, а потом вдруг умолкла на секунду и запальчиво выпалила:

– Всегда помогал! Когда мессеры налетели на госпиталь, ещё до тебя это было, я молилась, знаешь, как молилась, и не убило меня! Услышал бог! А когда наступление было, я молилась, чтоб прорвались, и прорвались!

Крррррык! – из-под валенка в разные стороны побежали по льду тонюсенькие ледяные стрелочки. Соня смотрела себе под ноги. Солнце слепило, до боли резало глаза. На ресничках повисли маленькие слезинки и тут же замёрзли. Она нетерпеливо стряхнула их варежкой. Крррррык! – и они ещё на шаг ближе к цели.

– Это тебя кто научил в бога верить? – насмешливо поинтересовалась Соня.

– Бабушка. Она всю жизнь верила. И хорошую жизнь прожила.

– Ага. А ты веришь, и вон, война...

– Ничего ты, Сонька, не понимаешь, – отмахнулась Зоя. – Трудности – это испытания. Господь специально нам их посылает, чтобы проверить нас на прочность. Вот сейчас всю страну проверяет, и нас с тобой тоже. Потому что он нас любит.

– Странная у него любовь какая-то. – Соня снова стряхнула снежинки с лица. – Любит и убивает. Я вот маму свою люблю, так я её никогда не убью!

Они говорили просто ради того, чтобы говорить, чтобы отвлечься хоть немного от этого ледяного ада, от грызущего нутро страха. Но тема Соне не нравилась. Она выросла в семье, где никто никогда не верил в бога, и до пятнадцати лет Соня толком не знала, что такое религия.

На окраине их деревни пустовала старая каменная церковь с голубыми маковками. Священника в ней не было, потому она стала сперва тайным местом встреч и игр местной детворы, а потом – их секретным клубом. Соне нравились высокие, расписанные фресками сводчатые потолки, под которым всегда так долго витало эхо. Правда, фрески эти обсыпались и потускнели, но всё равно остались красивыми.

Однажды они с девчонками нашли там несколько дощечек, на которых были нарисованы странные портреты странных людей жёлтыми полосами вокруг голов. У всех у них были очень грустные и серьёзные большие глаза и вытянутые лица, на которых лежали печальные страдальческие выражения. Девчонки долго рассматривали дощечки и обсуждали, что это и для чего предназначено. Все изображённые на них люди показывали странные жесты руками, будто они пытались что-то сказать тем, кто на них смотрит, и чем дольше Соня смотрела на них, тем больший трепет ощущала.

А потом из города приехали какие-то люди в форме, и церковь эту взорвали – так, что остался один фундамент. В тот день Соня и решила спросить у отца, что же это было за место. Тот вздохнул и как будто нехотя пояснил:

– Церковь это была. Тыщу лет на Руси в господу верил народ, а теперь вот запретили его. Опиум, говорят, для народу. Нельзя, говорят, верить.

Больше он не говорил ничего, а Соня не спрашивала, но бог для неё так и остался чем-то плохим, странным и запрещённым. Впрочем, вспоминала она о нём не часто – годом спустя отец умер, и они с матерью переехали в Москву, к двоюродной тётке. Соня поступила в новую школу, в жизни стали появляться новые друзья, следом пришла и первая любовь в виде улыбочивого паренька Серёжки Трифонова. Богу в её мыслях места просто-напросто не нашлось. Да и зачем думать о том, чего нет?

Облака, мирно дремавшие до этого в небесах, вдруг потянулись к сияющему солнцу и напозли на него тёмной громадой. Лёд резко потускнел, и на Волгу упала густая тень. Резкий порыв ветра дёрнул за шинель, ударил наотмашь по лицу. Соня быстро глянула вверх. Солнечные лучи золотили края похожих на чёрную вату туч, пытаясь вырваться из неожиданного плена, и ледяным золотом растекались по голубым небесам. Смотреть стало легче.

– Вот видишь, – тоном наставника проворчала Зоя. – Это бог солнышко закрыл, чтобы нам легче было. Он нас ведёт, и мы обязательно вернёмся и выживем!

– Вот что выживем, не сомневаюсь, – хмыкнула Соня. – И вообще, хватит мне тут проповеди читать. Тоже мне, попадья нашлась.

Зоя умолкла, а Соня тут же пожалела о своём резком выпаде. Не стоило, наверное, вот так – рубить. Можно было и помягче как-то...

И вдруг лёд под её валенком проломился. Соня, не сумев удержать равновесия, рухнула на спину и больно ударилась затылком. Перед глазами вспыхнули красные искры, и на мгновение всё вокруг заволочилось странный расплывчатый туман, из которого донёсся испуганный вскрик Зои.

Соня попыталась встать, но тут словно невидимая рука схватила её за щиколотку и потащила вниз. Под спиной отчаянно и громко хрустел лёд. Соня отчаянно пыталась уцепиться за что-нибудь, но под руками всё скользило. А в следующее мгновение она легко, будто с горки, съехала по отколовшейся льдине и бултыхнулась в обжигающе холодную воду. Горло будто сжало в тисках, дыхание спёрло, по телу волной пробежала остро-режущая боль.

Её охватил дикий панический ужас. Она изо всех сил гребла руками и ногами, и, когда выплыла наконец на поверхность, жадно хлебнула ртом воздух.

– Сонька, сюда! – вопила Зоя. – Давай, Сонечка!

Соня кое-как, преодолевая боль, подгрестила к краю льдины и ухватилась за него, навалившись всем весом. Льдина переломилась, откололась от «берега» и утонула, и Соня в панике замолотила руками по воде. Она выросла в деревне и не раз ходила с ребятами на зимнюю рыбалку, но ни разу ей не доводилось проваливаться в воду. Единственное, что Соня знала – то, что нельзя поддаваться панике, но все разумные мысли вымело у неё из головы, и она просто беспомощно барахталась на поверхности, чувствуя, как невидимая рука всё сильнее тащит её вниз.

Когда над головой снова сомкнулась вода, откуда-то снова защёлкали выстрелы. Солнце выпуталось из плена туч и сверкнуло в толще воды нестерпимо ярким бликом. Соня видела его – колеблющееся в мелкой ледяной ряби, переливающееся всеми цветами радуги.

Что-то обожгло руку чуть выше локтя. Из груди рванулся крик боли и устремился вверх тысячей пузырьков. Соня отчаянно заработала руками и снова вынырнула.

Зоя лежала плашмя, ткнувшись лицом в белую ледяную корку. Она тут же откликнулась на Сонин зов, и поползла к кромке льда, замирая, когда пули принимались вновь решетить лёд.

– Ничего, – сипела она, – сейчас вытащим!

Она протянула руку, и Соня что было сил вцепилась за неё и подтянулась. Зоя встала на колени и, ухватив её обеими ладонями, рванула на себя.

Ещё минуты две они просто лежали на льду, пытаясь отдышаться. Потом Зоя встала и, покачиваясь, подошла к Лемишеву. Он дышал – небольшие облачка пара, словно сигаретный дым, рассеивались в воздухе у его лица. Зоя поправила его одеяло, стряхнула налипший снег и как следует растёрла щёки ладонями.

Соня кое-как села. Насквозь вымокшая одежда прилипла к коже, и мороз, учуяв перед собой беззащитную жертву, тут же с головы до ног окутал её своим покрывалом. Зубы непроизвольно отстукивали чечётку, тело бил крупный озноб, но Соня была рада – ведь она спаслась. Выжила. Не утонула.

– Сонька!.. – ахнула сзади Зоя. – Да тебя, похоже, ранило!

Она засуетилась вокруг: вытащила из вещмешка смотанную полоску ткани и маленькую склянку со спиртом, которыми их «на всякий случай» снарядил в дорогу Васильич, расстегнула вымокшую шинель и, щедро смочив рану спиртом, крепко перемотала самодельным бинтом прямо поверх плотного рукава. На белой ткани тут же выступили алые пятна.

Почему-то Соня не чувствовала боли. А то, что потеряла валенок, заметила лишь тогда, когда встала на ноги. Зоя, увидев её перемотанную рваной портянкой ступню, снова запримечтала, но Соня прервала её резким «хватит!» и решительно пошла вперёд, припадая на одну ногу.

Идти практически босыми ногами по льду было физически больно, но она терпела, что было сил сжав зубы. Выбора всё равно нет, так что плакать и переживать? Запасными валенками их Васильич, к сожалению, не снабдил, а значит, придётся идти так. Ну, или не идти совсем, оставаться и замерзнуть. И из двух вариантов она без колебаний выбрала первый.

Километра через два лёд стал заметно прочнее. Соня неотрывно глядела на далёкий ещё берег. Портянка заледенела и встала колом, и иногда она обивала её, постукивая пальцами. Зоя осторожно семенила позади.

Лемишева они везли по очереди, а он всё так и не приходил в себя. Соня молча радовалась этому: не хватало ещё объяснять капитану, что они тут делают и куда направляются. Вот доберутся до госпиталя, а там можно уже будет ему и в сознание приходить. Хотя, по Сониным расчётам, очнуться он должен был ещё не скоро – слишком большая кровопотеря.

Когда они, наконец, вымотанные и донельзя усталые, подошли к противоположному берегу, мёрзлое солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, и толща льда заиграла новыми красками – закатно-багряными. Небо полностью затянуло плотными серыми тучами, и в кристальном морозном воздухе мелкой белой мошкаркой зароились колкие снежинки. Ветер разгулялся всюю: мёл позёмку, царапал щёки и пробирался под полу обледеневшей шинели. Соне казалось, что она промёрзла вся, насквозь – пальцы ног потеряли какую бы то ни было чувствительность, руки отказывались двигаться. Каждый шаг давался с трудом, но она заставляла себя идти. Потому что знала: остановка означает смерть. Стоит только чуть-чуть замешкаться, и костлявая тотчас занесёт над ней свою косу.

Притихший лес встретил их гробовым молчанием. Между заснеженными стволами деревьев длинными косыми нитями тянулись последние лучи солнца и опадали на землю – бордо-

вые, они казались настолько плотными, что Соня даже подумала, будто их можно коснуться рукой.

– Дошли, – радостно шептала позади Зоя. – Наконец-то дошли!

– Не дошли, – не согласилась Соня и обернулась. – Где там у тебя карта?

Зоя, суетясь, принялась обшаривать свои карманы.

До госпиталя оставалось ещё больше двух километров – если по дороге, и где-то километр напрямую, через лес. Они с Зоей решили идти через лес – времени в запасе оставалось мало, да и неизвестно, куда ушёл фронт, а попасть под прицельный обстрел не хотелось. Хватило и тех, на реке.

Кроме карты у Зои нашлись и завязанные в платочек несколько корочек хлеба. Она нетерпеливо развязала узел зубами, сунула в рот одну корочку, а остальные отдала Соне. При виде пищи желудок требовательно взалкал и сжался в тугий комок в животе. Соня жадно откусила сухой хлеб и проглотила, почти не жуя. Твёрдые края больно царапнули горло, но она тут же снова впиалась зубами в корочку.

Зоя, пережёвывая хлеб, принялась растирать ей ладони.

– Огонь бы развести, да спичек нет, – сокрушалась она. – Обморозишься вся.

– Потом, – отмахнулась Соня.

– Когда потом? – Зоя вскинула на неё глаза. – Обморожение ждать не будет.

– Ты лучше Лемешева потри, – Соня кивнула на капитана, – а я обойдусь. Жива буду.

«Вот как, – подумала она, – мы и проваливались, и под немецкими пулями бегали, а он просто ничего не знает... Не знает, что его куда-то везут».

Лес постепенно окутывала темнота. Ветер завывал над головой раненым зверем, стволы деревьев поскрипывали, скидывая вниз налипший на ветви снег. Валенки они с Зоей надевали по очереди: десять минут одна, десять минут другая. Соне казалось, что холод и ветер не закончатся никогда, что они до конца жизни будут брести через этот неприветливый лес. Дорога различалась с трудом, и они никак не могли сориентироваться, не знали, в верном ли идут направлении.

В конце концов Соня остановилась.

– Давай я тут останусь, – предложила она, – а ты вперёд, разведай. А то сейчас забредём в самую чащобу, поди выберись потом.

Зоя с сомнением посмотрела на неё, переступила с ноги на ноги, подышала на окоченевшие пальцы. Варезки покрылись ледяной коркой, и сколько бы они не обтряхивали её, через пять минут она нарастала снова.

– Не пойду. Как я тебя тут оставлю? Не найду же потом.

– Найдёшь, – возразила Соня. – По карте.

Договорить они не успели: из леса вдруг послышалась стрельба. Где-то недалеко явно шёл бой, и Соня с Зоей, не сговариваясь, ринулись в другую сторону. И без того почти незаметная тропинка осталась позади, потерялась среди деревьев, растаяла в темноте, и они оказались совершенно одни, без какого-либо ориентира. Слева – слабый просвет, справа и впереди – полнейшая темень. Где север, где юг? Соня уже ничего не понимала, в голове всё перепуталось.

И вдруг словно из ниоткуда появились немцы. Четыре человека в белых масках вынырнули из чернильной тьмы и устремились прямо на них. Замелькали круглые зайчики фонарей, заскрипел снег, захрустели мелкие веточки. Где-то сердито заухал потревоженный филин.

– Немцы! – внезапно осипшим голосом крикнула Соня, но вместо крика получился надрывный шёпот.

Зоя замерла, как истукан, прижавшись спиной к стволу дерева. В её больших глазах плескался ужас, губы беззвучно шевелились. Но немцы не заметили их – тихо пробрались через заснеженный подлесок и скрылись где-то в темноте.

Соня подскочила к Зое и схватила её за плечи.

– Очнись, Зойка! – судорожно зашептала она. – Хватит богу молиться, выбираться нужно!

Но куда идти? Кругом лес, тьма, не видно ни зги, где сейчас немцы и сколько их тут – неизвестно. Но как бы то ни было, нужно двигаться дальше, пусть даже наобум, иначе они или околеют тут в снегу а замёрзнут насмерть, или снова появятся немцы – и на этот раз заметят их. Вот тогда уж точно не выжить.

Лемишев что-то безостановочно бормотал, звал кого-то, отдавал какие-то приказы. Соня не знала, пришёл он в сознание или нет, а проверять не было времени. Темнота, казалось, сгущалась с каждой минутой, ветер становился злее, а луна даже не собиралась выплывать из-за облаков. Звонящую тишину нарушали только их шаги да торопливое, сбивчивое дыхание.

Стрельба трещала то там, то тут. Соня с Зоей плутали наугад, пока не вышли к небольшой полянке. Со всех сторон её обступал мрачный лес – как спящее чудовище, готовое в любой момент открыть огненные веки. Сзади бабахнул взрыв, и Соня машинально повалилась на землю, увлекая Зою за собой. Всё внутри сжалось в один тугой комок. Неужели опять немцы? Что же делать? Чёрт, что делать?..

– Кто такие? – раздался внезапно голос.

Соня перевернулась на спину. Метрах в пяти от них стоял силуэт – нечёткий, расплывающийся, словно призрак. Он ошупывал их цепким внимательным взглядом. Соня будто физически ощутила его, отчего по коже поползли неприятные мурашки.

– Это вы кто такой? – испуганно ответила она.

Силуэт быстро и бесшумно преодолел разделявшее их расстояние, и Соня наконец увидела его лицо: разрумившееся от мороза, с чёткими чертами, острыми скулами и широкими, нависшими над суровыми глазами бровями. В руках он держал автомат, направленный прямо на них.

– Младший лейтенант сто двадцатого гвардейского мотострелкового полка Худокосов, – представился он.

Его голос был спокойным и уверенным, будто они находились не в насквозь промёрзшем лесу, а дома. Соня вскочила, одёрнула шинель и вскинула руку к шапке.

– Санинструктор пятьсот восемнадцатого мотострелкового полка, ефрейтор Златоумова Софья, – отчеканила она и смущённо добавила: – Простите, товарищ лейтенант, не признала.

Тот махнул рукой – ничего страшного, мол. Он внимательно осмотрел Соню и кивнул на её ноги:

– Почему босиком, ефрейтор? И куда направляетесь?

Тихо кашлянула позади Зоя и, выступив вперёд, тоже отдала честь.

– Санинструктор пятьсот восемнадцатого мотострелкового полка, сержант Пономарёва, – сказала она. – Везём раненого в тыловой госпиталь, товарищ лейтенант. Как там... в госпитале-то сейчас? Спокойно?

Худокосов вздохнул. Соня подумала, что он рассердится – потому что она представилась вперёд старшего по званию, но он не обратил на это совсем никакого внимания, лишь несколько секунд пристально смотрел на них, потом снова вздохнул и отвернулся.

– В госпитале спокойно. А тут нет. Пару часов назад немцы попёрли. Отовсюду лезут, гады.

И объяснил: вчера немцы неожиданным ударом выбили их с оборонительных позиций, расколов полк на три части. Связи со штабом нет уже давно, что происходит за линией обороны, не знает никто, и их единственный приказ: держать позиции до последнего, а бойцов у них осталось девять, один из которых тяжело ранен. Пробриться к госпиталю навряд ли удастся, так что придётся ждать тут.

Он велел им идти за ним, и они запетляли меж заснеженных деревьев. Иногда поднималась стрельба, и тогда Соня с Зоей жались к подлеску, прикрывая собой Лемишева. По пути откуда-то появился ещё один человек, и они с Худокосовым перекинулись парой фраз. О чём говорили, Соня не разобрала, да и не слушала.

Внезапно лес расступился перед ними, и взгляду открылось широкое заснеженное поле. Далёкие мерцающие звезды серебрили тонкий наст. Почти у самой кромки леса тянулся длинный окоп, в котором Соня различила очертания нескольких человек. Они лежали на позициях, совершенно не двигаясь.

Худокосов обернулся.

– Придётся, девчата, тут пересидеть. – Он снова посмотрел на Сонины ноги и мотнул головой куда-то в сторону. – Давайте в блиндаж, погреемся. И батьке вас представлю.

Они с готовностью пошли за ним. Он помог им спустить санки с Лемишевым в окоп и перенести его в блиндаж.

В блиндаже чадила, моргая масляным глазом, керосинка. У входа сидел связист – молодой паренёк в драном, запачканном землёй и кровью ватнике. Он монотонно, снова и снова повторял в микрофон рации:

– Я ромашка. Я ромашка. Держу оборону, жду подкрепления. Я ромашка. Я ромашка. Держу оборону, жду подкрепления.

Рядом с ним на лавке сидел, прислонившись спиной к бревенчатой стене, майор – по всей видимости, командир. Подбородок его упирался в широкую грудь, глаза были закрыты. Он всхрапывал иногда, вскидывал голову и обводил помещение мутным сонным взглядом.

Соня отодвинула в сторону кусок брезента, что висел на входе вместо двери, и шагнула внутрь. Майор встрепенулся, глянул на неё и пробормотал, обращаясь, по всей видимости, к связисту:

– Першуков, где немцы?

– Не знаю, товарищ майор, – безразлично ответил тот и снова забубнил: – Я ромашка... я ромашка... держу оборону...

– Ответ есть?

– Полное молчание. – Связист усталым движением поправил наушники. – Никого, товарищ майор. Тишина. Я ромашка... я ромашка...

– Выйди на связь, – вяло приказал майор.

Глаза его снова закрылись, голова поникла. В грязных волосах блестели маленькие снежинки, перемазанные кровью руки чуть подрагивали.

– Я ромашка. Я ромашка. Веду бой, жду подкрепления...

Их разговор походил на горячечный бред. Соня оглянулась на Худокосова. Тот показал глазами на пук почерневшей, покрытой немецкой шинелью соломы в углу. Они с Зоей осторожно уложили туда Лемишева, а Худокосов молча передал им фляжку с водой.

– Устал командир, – сказал он, будто оправдываясь перед ними. – Почти двое суток уже не спамши тут. И не жрамши.

Соня с облегчением скинула с плеча ПППШ, присела рядом с Лемишевым и отвинтила пробку, а Зоя без слов вытащила из-за пазухи платок с корочками и протянула Худокосову. Тот взглядом поблагодарил её, взял платок и вышел, а вернулся уже с пустыми руками. Раздал всем, – догадалась Соня.

Он порылся в куче хлама под лавкой и, выудив пару крепких кожаных сапог, кинул их Соне.

– На, держи, ефрейтор. Негоже босиком по снегу бегать.

Соня нерешительно взяла один сапог и осмотрела со всех сторон. Внутри темнели кровавые пятна, на голенище было несколько дырок от пуль.

– Чьё это? – сглотнув, спросила она и подняла на Худокосова испуганные глаза.

– Фрица какого-то, – безразлично пожал плечами тот. – У самого окопа гада подстрелили. Полз с колотушками сюда. Не пропадать же таким добротным сапогам, вот и сняли.

Соня всхлипнула. Вдруг поднялась волна ужаса, такого сильного, что она чуть было не закричала в голос и отшвырнула от себя сапог.

– Я не надену это, – лихорадочно прошептала она. – Ни за что!

И отодвинулась в сторону. В горле нестерпимо запершило, на глазах выступили слёзы.

– Дура! – ругнулась Зоя, подняла сапог и, решительно шагнув к Соне, схватила её за ногу. – Дура ты!

Она принялась заталкивать её ногу в сапог. Соня беззвучно заплакала и попыталась отпихнуть Зою, но та силком натянула на неё немецкую обувку и сердито сверкнула глазами.

– Какая разница, чьи это сапоги? – прикрикнула она. – Всё лучше, чем босиком!

Худокосов одобритительно кивнул:

– Это ещё что, ефрейтор. Мы, бывало, на немецких трупах спали. Положим их так, в рядок, и ложимся сверху. Лучше, чем на голой-то земле. Летом ещё куда ни шло на земле спать, а зимой...

Соня поджала пальцы на ногах. Они понемногу начинали согреваться – обувь для своих солдат немцы делали на совесть, но её всё равно была мелкая противная дрожь. Она знала, что война – это другой мир, но даже представить себе не могла, что настолько. Всё вокруг изменилось до неузнаваемости, и Соня не представляла, что теперь с этим делать.

Спали они с Зоей под немецкой шинелью, прижимаясь друг к другу. Связист уснул прямо за столом, уронив голову на руки, и его место занял другой солдат – такой же измученный и измотанный. Всю ночь сквозь сон Соня слышала «я ромашка, я ромашка, держу оборону, жду подкрепления». Лемишев несколько раз приходил в себя и просил воды, но навряд ли понимал, где находится. Соня приподнималась на локте и поила его из горлышка фляжки, а потом снова проваливалась в глубокий сон.

Когда на небе занялся бледный зимний рассвет, в блиндаж на куске парусины занесли раненого солдата и положили на притоптанный земляной пол у стола связиста. Майор куда-то подевался, и в блиндаже были только Соня, Зоя, Худокосов и связист. Снаружи строчили выстрелы, грохотали взрывы. Худокосов сидел на лавке, прижимая к плечу окровавленную руку, губы его были белыми, как лист пергамента.

Соня села и затормозила Зою за плечо. Та нехотя подняла веки.

– Что, уже надо идти?

Соня мотнула головой и встала. Холод тут же схватил её в свои объятия, но она не обратила на него внимания и, наспех пригладив растрёпанные волосы, спросила:

– У тебя спирт и перевязка ещё остались?

– Вроде, – хриплым со сна голосом ответила Зоя и потянулась к своей сумке.

Соня спала урывками, но всё же сумела отдохнуть. Рану саднило и жгло, но она чувствовала прилив новых сил. В блиндаж, устало пошатываясь, ввалился майор и рухнул на лавку. Плечи его тут же ссутулились.

– Товарищ майор, потери четыре человека, – отрапортовал Худокосов, тяжело поднявшись на ноги. – Трое убитыми.

Майор поднял на него глаза.

– А ты?

– Со мной всё нормально, я в строю, – ответил Худокосов и рухнул на пол.

Соня подскочила к нему и торопливо расстегнула ватник на широкой груди. Рана была не опасной, но кровопотеря – большой. Губы Худокосова побелели, щёки и глаза ввалились. Зоя выудила из сумки моток тряпок и кусок жёлтой ваты. Соня отёрла рукавом пот с его лба и легонько подула на лицо, пока та перематывала рану.

Никто не разговаривал. Даже связист затих, только трещала тихонько рация. Кто-то торопливо пробежал мимо входа, и снаружи раздался крик:

– Волчко, слева, слева заходят! Волчко!..

И снова защёлкали выстрелы.

Зоя порвала зубами край тряпки и завязала крепким узлом. Соня тем временем расстегнула гимнастёрку на другом солдате. Ранения у него было два, в плечо выше и ниже ключицы. Кровь вытекала толчками – значит, задело артерию. Соня торопливо огляделась в поисках хоть чего-то, чем можно было перевязать рану, но ничего подходящего в блиндаже не имелось. Тогда она скинула шинель и быстрыми движениями вытянула из брюк край заправленной туда сорочки, которую мама сунула ей в вещмешок, когда она уходила на фронт.

Ткань не хотела рваться. Соня с яростью дёрнула широкую полосу ажурных кружев. Нитки не выдержали и треснули, и она одним движением отодрала кружева от края, а потом принялась за шов самой сорочки. Наконец он поддался, и Соне удалось оторвать ещё одну полосу ткани.

«На совесть мама сшила!» – думала она, раздирая сорочку на длинные полосы. Зоя выхватила у неё кружева, приложила к ранам кусок ваты и ловко перевязала.

– Никогда бы не подумал, что моих бойцов будут женскими кружавчиками обматывать, – пробормотал майор.

Соня откинула назад прядь волос и повернулась к нему.

– Товарищ майор, разрешите представиться?

– Оставь, сестричка, – устало отмахнулся тот. – Какая уже разница. Просто имя скажи.

– Соня, – смутилась она и всё же добавила: – Санинструктор пятьсот восемнадцатого мотострелкового.

Немецкую атаку удалось отбить, но боеспособных солдат оставалось всего пятеро, а связи всё так же не было, как не было и патронов. В блиндаж заглянул солдат и доложил, что воевать нечем.

– Осталась одна лента, – сказал он. – И два снаряда. И ещё гранатка... в кармане у меня. На пару фрицев хватит.

Майор, казалось, даже не услышал его слов. Проснувшийся связист опять уселся за стол, нацепил наушники и забубнил:

– Я ромашка, я ромашка, держу оборону...

Соня выглянула из блиндажа. Солдаты сидели прямо на мёрзлой земле на дне окопа – молча, не смотря друг на друга. В небе висели мрачные серые облака, а посреди белого поля словно могильная плита возвышался бетонный дот. Соня несмело подошла к солдатам, без слов опустилась рядом. Они встрепнулись, и гнетущая, тяжёлая атмосфера безысходности на миг рассеялась.

Соня смотрела на их усталые, измождённые, перепачканные землёй лица, и ей хотелось плакать. Она считала, что война для всех одинаковая – и для тыловиков, и для фронтовиков, и для них, медработников, но сейчас понимала, как была не права, как ошибалась. Здесь, у кромки леса на берегу Волги, война оказалась совсем другой – по-настоящему страшной. Здесь над каждым стояла смерть. Здесь витал её дух – кровавый, бескомпромиссный и кровожадный. Соня искренне хотела помочь каждому, кого видела перед собой, но ничего не могла сделать. Даже поддержать словами и то не могла, потому что у самой не осталось никакой, даже самой маленькой надежды, которой она могла бы поделиться с этими измотанными бойцами.

Один из солдат, плечистый мужчина лет тридцати на вид, достал из кармана шестизарядку и патрон, и, сунув его в барабан и прокрутив ладонью, протянул Соне.

– На, – выдохнул он. – Сейчас попрут фашисты, так ты хоть одному пулю в лоб всади.

Соня покачала головой.

– Не нужно.

– А вдруг нужно, – возразил другой солдат. – Они ж всё равно сюда, уроды, приползут, а деваться нам некуда. Так хоть кого-нибудь с собой забрать.

– А почему бы не пойти и не попытаться выбить их? – сказала Соня. – Если уж всё равно умирать...

– Да не сможем, – усмехнулся солдат. – Они ж в доте, засранцы, засели. Гниды вшивые. – Он ожесточённо сплюнул и утёр рот засаленным краем ватника. – Туда идти без толку, просто расстреляют и всё. Даже добежать не успеешь.

Соня помялась, но всё же решила спросить:

– А их из этого дота можно как-нибудь... ну, выманить? Выкурить?

Солдат снова усмехнулся, вытащил из кармана лимонку и подбросил её на ладони.

– Можно во. Гранатку в амбразуру закинуть. И хана им там всем.

– Почему же вы этого не сделали до сих пор? – удивилась Соня.

Они засмеялись – невесело и неестественно – и заговорили все разом:

– Думаешь, не пробовали? Зря только ребят угробили. Туда идтить – верная смерть.

– Ты, сестричка, чем воевать собралась? Дубинкой? Так и дубинки нет. А фрицы и вокруг дота расселись тоже, человек двадцать, не меньше. С кофеем и булками. Так что ждём, мож, поддержка какая прибудет.

– Авось не передохнем тут все до ептова времени.

Соня протянула к солдату руку ладонью вверх.

– Дай мне гранату, – потребовала она.

Тот недоумевающе уставился на неё.

– Сдурела?

– Дай мне гранату! – повторила Соня.

Солдаты все, как один, воззрились на неё с нескрываемым интересом. Соня поднялась на ноги и отряхнула штаны. В ней горела мрачная решимость: прорваться. Не сидеть же тут в ожидании, когда придут немцы.

– Да дай ты ей гранату, Саньч, – подал голос молчавший до сих пор солдат. – А вдруг получится у ней?

Он поднял голову и быстро глянул на Соню. Она успела увидеть в его глазах надежду – маленькую, почти незаметную, но крепкую. Крепкую оттого, что она была у него единственной. Саньч тоже встал, быстрым движением сунул гранату Соне в ладонь и в упор, открыто посмотрел на неё.

– Обращаться-то умеешь?

– Справлюсь, – уверенно ответила Соня.

Следом за ними поднялся худой долговязый солдат с короткой густой шевелюрой и орлиным носом с горбинкой. В чертах его лица неуловимо угадывалось что-то грузинское, тёмные глаза сверкали двумя агатами. Он нахлобучил на голову потёртую грязную пилотку.

– Я с тобой пойду. Только командиру доложу.

Майор не стал его даже слушать, только устало махнул рукой и снова повернулся к связисту. На полу спал Худокосов, а рядом сидела Зоя. Она медленно перекрестила Соню, сложив вместе три пальца, когда та показала ей зажатую в кулаке гранату, и хрипло прошептала:

– Храни тебя господь, Сонечка.

Соня взяла свой ППШ, и они, пригнувшись, двинулись вперёд по окопу. Над головой сгрудились чёрные хмурые тучи, ветер хлестал по полю кнутом, мёл позёмку, свистел в ушах.

Потом они ползли по холодному полю, метр за метром рыхля снег своими животами. Пальцы и ладони окоченели, тонкие былинки царапали лицо, но Соня упорно продолжала работать локтями. Не для того она под обстрелами пересекала Волгу, чтобы сейчас сдать. Она никогда не сдастся. Никогда.

Наконец показались немецкие позиции. У самого края окопа стоял накрытый белой маскировочной сеткой пулемёт «Максим», а около него подпрыгивал от холода немецкий солдат. Он снова и снова отхлёбывал из исходящего паром котелка, поправлял ремешок автомата, стучал сапогом об сапог и, шурясь, смотрел вдаль. Рядом с ним, привалившись спиной к стенке окопа, сидел другой солдат и с аппетитом грыз галету.

Соня подползла к кустам и, скатившись в неглубокую ложбинку, затаилась. Солдат лёг рядом и потянул носом воздух.

– Жрут, твари, – тихо сказал он и сглотнул. – Мы сидим там с голыми жопами, а у них тут праздник живота.

– Тебя как зовут? – спросила Соня, не отрываясь от наблюдения.

– Колькой кличут, – отозвался солдат.

– Хорошо, Колька. А я Соня.

Из блиндажа вышел офицер и, заложив руки за спину, важно прошагал по окопу. Солдаты развернулись к нему и вытянулись в струнку. Он прошёл мимо, остановился чуть поодаль и взял висящий на шее бинокль.

Колька знаками показал Соне, что пора начинать. Она подвинула к нему свой ППШ, нащупала в кармане гранату.

– Бей по офицеру в первую очередь, – прошептала она. – Потом по солдатам. Я за это время успею проскочить. – И, поколебавшись, добавила: – Должна успеть.

– Ты хоть разглядела, сколько их там?

Соня не ответила. Она приготовилась бежать со всех ног – нужно было во что бы то ни стало успеть забраться на дот, пока немцы не очухаются. А дальше уже как карта ляжет. Авось пронесёт. Внутри будто сжалась тугая пружина.

Колька прижался щекой к прикладу, навёл прицел. Соня следила краем глаза, как его палец с грязным нестриженным ногтем медленно вдавливая курок. Время замерло, и она считала удары сердца: раз... два... три... четыре... Голова вдруг закружилась, в висках жёстко застучала кровь, дыхание стало частым и прерывистым, и все мысли исчезли, кроме одной: она должна. Ей нужно выполнить приказ, нужно идти дальше.

Соня как могла пыталась подавить страх, что острыми когтями раздирал внутренности. Когда в воздух взвилась огненная стрела ППШ, она вскочила на ноги и что было сил ринулась вперёд. Немецкий офицер рухнул на землю. Соня выхватила из-за пазухи шестизарядку с единственным патроном, спрыгнула в окоп и устремилась к доту. Сзади вовсю палил ППШ. Немцы, явно не ожидавшие такой наглой и безумной атаки, не успели сориентироваться, и этого времени Соне хватило, чтобы взобраться на дот.

– Нах обэн! – закричал кто-то внизу. – Эс ист айн мэдхен!

Над головой взметнулся огненный веер. Соня сжала зубы, стараясь не заорать от страха, вытащила из кармана гранату и поползла к краю, туда, где должна была быть амбразура, потом отогнула усики на гранате, выдернула из чеки кольцо и, крепко сжав её, подобралась к самому краю дота.

– Ничего, ничего, – бормотала Соня. – Ничего.

Она свесилась по пояс, размахнулась и закинула гранату прямо в узкое окошко. Через секунду грохнул взрыв. Бетонный дот тряхнуло, и Соня автоматически сжалась в комок. Из амбразуры вырвался клуб чёрного дыма, где-то совсем рядом застрочил автомат. Остро запахло жжёным толом и гарью.

Сквозь дым Соня увидела Кольку. Он бежал к доту, дуло ППШ яростно плевалось огнём. Она поползла обратно, к краю дота, и тяжело свалилась в окоп, прямо на офицера. Он был ещё жив – смотрел на неё своими карими глазами, прижимая обе руки к животу, изо рта хлестала рубиново-алая кровь. Горло сдавил спазм, и Соня прижала ко рту ладонь. Казалось, ещё чуть-чуть – и её вырвет.

Она вскочила на ноги. Страх внезапно придал ей сил – Соня тремя большими скачками преодолела расстояние, в упор выстрелила в одного немца и тут же снова нажала на спусковой крючок, но пистолет дал осечку. Второй немец смотрел на неё круглыми от страха глазами. Она выхватила из рук убитого МП-40 и с размаху треснула его прикладом по виску. Тот неуклюже, как мешок с трухой, повалился на своего товарища.

Что было дальше, Соня помнила не очень хорошо. В окоп прыгнул Колька. На его ватнике расплывалось бесформенное кровавое пятно. Он что-то говорил ей, но почему-то не понимала ни единого слова. Руки сами вцепились в холодные, покрытые льдом ручки пулемёта, и Соня ожесточённо дёрнула его на себя, пытаясь повернуть. У стен дота появились немцы. Колька шлёпнулся на землю, что-то надрывно выкрикивая, а она открыла огонь.

Даже спустя много лет Соня не переставала удивляться: как у неё это всё получилось? Она практически в одиночку уничтожила не меньше двух десятков гитлеровцев и захватила вражеский пулемёт, имея из оружия гранату и пистолет с одним патроном. И её даже не зацепило. «Просто у меня не было выхода», – думала она. Ею владело горькое отчаяние, которое обернулось звериной яростью, и с их помощью Соне удалось то, что не удавалось закалённым бойцам, потому что они оказались в разы сильнее страха смерти.

Над окопом плыл чёрный дым. Соня сидела за пулемётом, смотря в одну точку остановившимся взглядом и до боли вцепившись пальцами в ручки. «Максим» тихонько шипел. Колька ползал по окопу, переворачивал убитых солдат, обшаривал их карманы.

– Да есть у них курящие или нет?! – донеслось до Сони его возмущённое ворчание. – Курить охота страсть как, сдохну щас...

– Ты ранен? – сипло спросила она и попыталась встать, но ноги отказались держать её, и она рухнула на землю.

– Ранен, – отозвался Колька. – Но курить сильнее хочу.

Наконец его поиски завершились успехом: в нагрудном кармане офицера обнаружилась полупустая пачка «Экштейна». Колька выудил из неё сигарету и с наслаждением понюхал, словно это были духи.

Заныла рана на руке, и Соня невольно поморщилась. Откуда-то появились солдаты и стали собирать трофейное оружие, кто-то похлопал её по плечу. Ярость и страх ушли, оставив внутри оглушающую пустоту, и Соня почти не слышала, что происходит вокруг. Командир отдавал какие-то приказы, по окопу туда-сюда сновали солдаты. Соня ловила на себе их изумлённые взгляды и никак не могла понять, почему они все так на неё смотрят.

Кто-то обхватил её сзади.

– Сонька! – всхлипнула Зоя. – Сонечка моя... живая... живая, моя хорошая...

Она села рядом с ней и принялась обтирать лицо мокрой тряпкой. Соня не сопротивлялась. У неё не было сил даже на то, что двинуться, на плечи будто навалилась тяжесть всего мира. Она безразлично смотрела прямо перед собой и никак не реагировала на Зоиные слова.

До госпиталя оставалось уже совсем немного – чуть больше полукилометра. Соня зябко куталась в шинель и щурилась от яркого солнца. Небо снова расчистилось, засияло подобно натёртой меди, воздух стал льдистым и ломким от мороза, что нещадно щипал за щёки и уши. Каждый вдох обжигал горло холодом.

Расколотый на три части полк сумел соединиться и занять прежние позиции. Связь со штабом была восстановлена, и на помощь сто двадцатому гвардейскому мотострелковому полку была брошена артиллерия. Немцев отбросили назад, дорогу к госпиталю освободили. Они пытались прорваться к Сталинграду, но теперь путь туда был для них закрыт – благодаря Сониным действиям.

У ворот госпиталя, что до войны был деревенской школой, стояли несколько грузовиков. Раненых привозили партиями, и до них с Зоей никому не было дела. Зубы произвольно

отстукивали чечётку, глаза закрывались от усталости. Рана нестерпимо ныла, но Соня пыталась не обращать на это внимания. Ею владела опустошённость – она вдруг стала другой, все прежние представления о жизни стремительно разрушились и обратились в прах, и она поняла, что совсем ничего не знала. Она просто думала, что знает. И эти резкие изменения вдруг вырвали все чувства, мысли, взгляды – всё, что у неё было раньше, и она никак не могла собрать мысли в единое целое.

У неприметного входа в госпиталь они остановились. Старая скрипучая дверь обледенела, проржавевшие петли поворачивались туго и неохотно. Зоя поднялась по двум широким плоским ступеням и открыла деревянную створку, а Соня обхватила Лемишева, закинула его руку себе на шею и попыталась поднять на ноги. Голова закружилась.

Капитан вдруг открыл глаза и посмотрел на неё – ясным, но отстранённым взглядом, с видимыми усилиями встал на ноги и сделал короткий шаг вперёд. Сапоги заскользили по ледяной корке, что сплошь покрывала маленький квадратный дворик перед входом, и он тяжело опёрся на Соню.

– Давайте, товарищ капитан, – наигранно бодро сказала она и осторожно двинулась к крыльцу. – Можете идти? Тут совсем чуть-чуть.

– Могу, – тихо отозвался он.

Его голос был хриплым, надломленным, бесцветным – как у человека, которому многое довелось пережить. Неуклюже приваливаясь на одну ногу, он заковылял вслед за Соней. Она медленно повела его вперёд, стараясь приноровиться к его шагам.

– Куда ты меня ведёшь? – спросил он. – В рай?

– Ну! – засмеялась Соня. – Какой такой ещё рай, товарищ капитан! В госпиталь веду, лечиться!

– Ты ангел? – выдохнул он.

Соня остановилась на секунду, поудобнее подхватила Лемишева рукой за талию и твёрдо ответила:

– Нет, не ангел. Санинструктор Златоумова.

В коридоре они с Зоей уложили его на носилки. Ветер проникал сквозь старые расшатанные рамы с облупившейся краской холодными струйками, под потолком болталась на цепи облезлая металлическая люстра. Остро пахло медикаментами и кровью, старый деревянный пол отзывался протяжным скрипом на каждый шаг.

«Не ангел, – думала Соня. – Почему он принял меня за ангела? Разве похожа? Хотя, кто его знает... может, и ангел».

Когда двое санитаров подняли носилки, Лемишев вдруг вцепился ей в руку холодными влажными пальцами. Ясный взгляд болотно-зелёных глаз впился в её лицо.

– Я тебя после войны найду и женюсь, – пообещал он перед тем, как его унесли.

Соня с Зоей переглянулись и одновременно прыснули со смеху.

Обратно их направили самолётами. Соне обработали рану, вытащив пулю, и зашили хирургической нитью, а на складе выдали шинель – новую, никем ещё не ношенную, с крепкими пуговицами и кожаным коричневым ремнём. Пряжка со звездой тускло сверкала в лучах ноябрьского солнца.

Лётчики посадили свои «этажерки» – самолёты У-2, прозванные немцами «рус фанер» – за госпиталем, на поле. Соня, на ходу натягивая шлем и специальные очки, взобралась на крыло и неуклюже залезла в тесную кабину позади кресла пилота. Тот повернулся к ней и широко улыбнулся.

– Ну что, ефрейтор? Полетаем?

– Полетаем, – улыбнулась в ответ Соня.

– От винта! – крикнул он.

Кто-то крутанул винт на носу «этажерки». Затарахтел мотор, и самолёт затрясся по полю, развернулся и, разогнавшись, оторвался от земли. У Сони перехватило дыхание. Ветер бил в лицо сильным потоком. Она смотрела вниз. Вон лес – тянется длинной полосой по берегу, уходя вдаль. А вот Волга, похожая на широкую белую дорогу. Кроны деревьев чуть покачивались, будто приветствуя их, облака нависли так низко над головой, что, казалось, их можно коснуться – стоит только протянуть руку. В душе поднималось восхищение. Соня никогда не летала на самолётах, не знала, какое ошеломляющее чувство свободы можно испытать, смотря на землю внизу. Ей хотелось раскинуть руки и расхохотаться. Всё плохое осталось там, на земле, а тут были только детский восторг и безграничная радость.

Другой самолёт летел позади, и иногда Соня оборачивалась, чтобы посмотреть на Зою. Но разглядеть ничего не удавалось.

Наконец лётчик посадил самолёт у госпиталя. Сан Васильич лично встретил их с Зоей – в первую очередь они направились с докладом именно к нему. Он смотрел на них выпученными, полными неподдельного изумления глазами, потом вытащил из шкафа два гранёных стакана, со стуком поставил на стол и плеснул в каждый по щедрой порции водки.

– Я не пью, – запротестовала Соня.

– Согреешься, – сказал Васильич и всунул стакан ей в руку.

Поколебавшись, Соня всё же решилась. Водка обожгла горло и прокатилась по пищеводу огненным шаром. На глазах выступили слёзы, и она закашлялась, прижав ладонь в губам, потом глубоко втянула носом воздух и снова закашлялась. Водка была противной и горькой, но действительно согрела её за несколько секунд. По телу разлилось приятное тепло, голова чуть закружилась, и она присела на стул. Сердце часто-часто заколотилось, а на щеках заиграл румянец.

– Молодцы вы, девчонки, – говорил Васильич. – Вот прямо молодцы. Буду подавать ходатайство о представлении вас к наградам. Заслужили.

– А на какую медаль тянем, товарищ лейтенант? – чуть кокетливо спросила Зоя.

– Какая медаль! – серьёзно ответил Васильич. – Это на орден тянет! Вы же настоящий подвиг совершили!

Подал он ходатайство или нет, Соня не знала, но никаких наград им так и не присвоили.

Войну Соня закончила в Австрии, и почти сразу же получила разрешение уехать. Служить дальше она не хотела – соскучилась по маме, по дому, по спокойной жизни. Через две недели после того, как она подала прошение об отставке в комендатуру, пришёл положительный ответ. Соня собрала свои немногочисленные вещи, которыми успела обзавестись во время службы, и поехала в Россию.

С Зоей они не виделись с 1944-го года – её перевели в другую часть, а Соня осталась в прежней. Потом перевели и Сою. Контакт оборвался, и сколько бы она не искала подругу, так и не смогла никого найти.

Шёл эшелон долго, хоть остановки были нечастыми и короткими. Только спустя три недели они приехали, наконец, в Москву. На вокзале их встречали толпы людей. Они искренне радовались, с улыбками и слезами махали руками, плакали и смеялись. Паровоз закидали цветами. Два военных оркестра – в начале и в конце перрона – наяривали бодрые горделивые марши, а весь вокзал был буквально залит слезами. Там и тут Соня видела рыдающих людей. Эшелон медленно, стуча колёсами, прокатился мимо худенькой стройной девушки, что висела на шее у какого-то солдата. Рыжие кудрявые волосы прилипли к красному от слёз лицу словно тонкие ржавые проволочки. Солдат крепко обнимал её за талию одной рукой и прижимал к себе. На месте второй руки рукав был скручен в узел.

Соня стояла у двери вагона, держась за поручень. Незнакомые люди тянули ей букеты, кричали что-то, хватили за подол юбки и сапоги. Слёзы сами катились из глаз. Соня нагибалась,

принимала цветы и пёстрым ворохом прижимала их к груди. В горле стоял спазм. Неужели она дома! Дома! Дома!

Она искала взглядом в толпе маму. Та ещё на прошлой неделе должна была получить телеграмму, но её нигде не было. Соня спрыгнула со всё ещё движущегося состава и стала пробираться сквозь толпу. Может быть, мама перепутала время? Или просто не смогла прийти? А вдруг что-то случилось? Последнее письмо от неё Соня получила ещё в марте.

И тут она увидела её. Мама стояла на краю платформы, почти у самого оркестра, и, вытягивая шею, высматривала кого-то в толпе.

– Мама! – Соня приподнялась на цыпочки и помахала ей рукой. – Мам, я тут!

Мама махнула ей в ответ и тоже стала пробираться сквозь толпу, подняв вверх простенький букет полевых ромашек и васильков. Соня пошла ей навстречу, но обняться они не успели: на пути вдруг возник рослый широкоплечий мужчина в генеральской форме.

– Товарищ Златоумова? – перекрикивая оркестр, поинтересовался он.

– Так точно, – удивилась Соня. – А что такое?

Генерал вдруг расплылся в улыбке.

– А ничего. Вставай давай вот сюда, – он взял её за плечи и подвинул чуть в сторону, – награждать тебя будем.

– Награждать? – ещё больше удивилась Соня. – За что?

Из толпы вынырнул низкорослый, худой сержантик в идеально выглаженной, новенькой форме, и принялся энергично расчищать перед генералом место.

– Разойдитесь, товарищи! – выкрикивал он. – Посторонитесь! Отойдите, товарищи!

Люди послушно расступались, с интересом наблюдая за происходящим. Оркестр продолжал играть военный марш – «Тоску по родине». Генерал пригладил большим пальцем свои пышные усы и снова улыбнулся Соне во весь рот, показывая ряд крепких, желтоватых от никотина зубов.

Сержантик резво подскочил к генералу и, вытащив из планшетки лист бумаги, передал ему. Генерал нацепил на нос круглые очки, что крутил до этого в руках, прокашлялся и начал:

– Указом Верховного Президиума Совета СССР за номером десять тысяч двести восемьдесят шесть от пятого апреля... – Он прервал чтение и недовольно глянул на оркестр, потом на сержанта. – Шумаков, ну-ка, скажи им, чтоб заглохли!

Тот кинулся к музыкантам, придерживая фуражку ладонью. Из-за туч наконец выглянуло солнце и растеклось по платформе золотым светом. Соня невольно сощурилась, и тут увидела в толпе растерянное мамино лицо.

– Мама! – крикнула она. – Мам!

Мама пробралась вперёд. Оркестр умолк, и в наступившей тишине зазвучал громкий генеральский голос:

– Указом Верховного Президиума Совета СССР за номером десять тысяч двести восемьдесят пять от пятого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года товарищ Златоумова Софья Алексеевна за проявленные в боях смелость и отвагу награждается орденом Суворова первой степени. – Он принял из рук лейтенанта две небольших плоских коробочки и продолжил: – А также за необычайные мужественность и бесстрашность в схватке с врагом, за безграничную храбрость перед лицом самой смерти, за доблесть и настоящий героизм, проявленные в служении отечеству, товарищу Златоумовой Софье Алексеевне присваивается звание, – он посмотрел прямо ей в глаза и твёрдо и громко отчеканил три слова: – героя Советского Союза!

Его голос эхом пронёсся под сводами вокзала. Соня смотрела на него во все глаза, не веря своим ушам. Она была уверена, что ослышалась. Героя? За что?

На вокзале внезапно наступила полная тишина. Генерал шагнул к Соне, вытащил из коробочки Золотую Звезду и заговорщически подмигнул:

– Ну что, герой? Дырочку-то прокрутила для орденов?

Соня растерянно мотнула головой. Она не верила в то, что всё происходящее – правда. Это больше походило на сон или на какую-то ошибку. Она совсем ничего не понимала.

Генерал вручил ей медаль вместе с коробкой, потом положил сверху вторую – с орденами Ленина и Суворова. Последней он сунул ей в руки испещрённую машинописным текстом бумагу, которая оказалась грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

– А это, – он порылся в карманах брюк и вытащил флакончик духов, – лично от меня. Не каждый день героя награждаю.

Соня автоматически вскинула руку к пилотке и несмело-неуверенно проговорила:

– Служу Советскому Союзу...

Генерал засмеялся.

– Громче, герой! Громче! Что ты мямлишь?

Соня сделала глубокий вдох. Губы невольно растянулись в улыбке. Нет, кажется, всё происходящее – реальность. Она вытянулась, вскинула подбородок и, глубоко втянув носом воздух, громко выкрикнула:

– Служу Советскому Союзу!

Генерал одобрительно кивнул, снова взял бумажку и стал читать:

– В безжалостной схватке с врагом, когда ситуация уже казалась безвыходной, ефрейтор Златоумова Софья, санинструктор триста двадцать первого отдельного медицинского батальона, в одиночку уничтожила четырнадцать гитлеровцев и захватила вражеский станковый пулемёт «Максим». Именно благодаря её действиям был открыт путь для соединения частей расколотого полка, а враг отброшен назад позиций и полностью разбит!

Откуда-то выскочил фотограф – молоденький паренёк в потёртом пиджаке и клетчатой кепке. Он поднял висящий у него на шее фотоаппарат «ФЭД» и прицелился. Щёлкнул затвор, и Соня, вздрогнув, посмотрела на него. Фотограф снова нажал на кнопку, а Соня стала поспешно приглаживать растрёпанные волосы. Одёрнула помятую юбку, поправила ремень.

– Ну что вы делаете! – возмутилась она. – Не видите, как я выгляжу?!

Фотограф усмехнулся и качнул головой.

– Герои должны быть пыльными и измотанными, а не щеголять с иголкой!

– Товарищ Златоумова, – обратился к ней генерал. – Это, можно сказать, предварительно. Торжественное вручение награды состоится ещё и в Кремле.

Мама плакала навзрыд, вытирая бегущие по щекам слёзы дрожащими пальцами. Кто-то дарил Соне цветы, поздравлял, говорил что-то. Фотограф снова и снова щёлкал затвором, а оркестр опять заиграл – громко, бодро, величественно. Какой-то парень обхватил Соню за талию и закружил по перрону в танце.

– Поздравляю, Софья Алексевна! – смеясь, выкрикнул он.

Спустя неделю в газете «Московский Комсомолец» вышла статья. «Хрупкая девушка как символ веры и настоящей доблестной отваги», – гласил заголовок. Чуть ниже была помещена Сонина фотография. Она растерянно смотрела в кадр, держа в руках коробочки с наградами.

Увидев это фото, Соня недовольно поморщилась. Ну и чудило! Волосы торчат во все стороны, как метёлка, черты лица кажутся угловатыми и тяжёлыми, форма сидит мешком: юбка болтается как на манекене, погоны на гимнастёрке съехали вперёд, запylённая пилотка надвинута на глаза. Она выглядела не как герой, а как огородное пугало. Соне не понравилась фотография. Вообще.

Но мама решила сохранить газетный листок и, аккуратно сложив его, убрала в шкатулку, а наградам и грамоте. Они вдруг стали известными на всю Москву – стоило только Соне выйти на улицу, как её тут же узнавали. Её просили участвовать на митингах, парадах, собраниях, и она не могла отказать, хотя не очень-то этого и хотела. Но звание героя обязывало быть публичным человеком, и никого ни капли не волновало, что героем себя Соня совсем не чувствовала.

Соня натянула через голову гимнастёрку, оправила юбку и, сунув ноги в сапоги, критически осмотрела себя в зеркале. За год она успела слегка поправиться, и форма оказалась ей маловата. Соня застегнула на поясе ремень, откинула на спину косу и снова оглядела себя с ног до головы. На груди сияли два ордена и медаль, переливались в лучах настольной лампы, играли яркими бликами.

«Интересно, почему на это собрание нужно идти именно в форме? – недовольно подумала она. – Мне гораздо больше идёт платье».

– Форма тебе к лицу, – словно угадав её мысли, улыбнулась мама.

Собрание фронтовиков и ветеранов проходило в Доме Офицеров. Соня получила особое, почётное приглашение. Добраться туда она решила пешком, и поэтому немного опоздала. Погода стояла просто отличная: солнечная, звонкая, как и полагается в начале лета, и ей хотелось насладиться яркими красками и чистым воздухом. Тренькали трамваи, сигналили автомобили, солнце играло лучами в бесчисленных витринах столичных магазинов. Она шла по тротуару, радостно улыбаясь, и прохожие улыбались ей в ответ. Настроение парило в небесах, и Соня чувствовала себя абсолютно счастливой.

Совсем недавно она после долгих поисков сумела-таки найти Зою. Та жила в Перми, но обещала непременно приехать погостить и настоятельно звала к себе Соню. Нашёлся и Сан Васильич – в деревушке под Симферополем. За прошедший год он успел найти невесту и обзавестись семьёй. Из его писем Соня и узнала, что вместе с ходатайством о представлении к награде он по настоянию Зои отправил и ходатайство о присвоении ей звания героя. Ходатайство долгих три года скиталось по различным инстанциям, пока, наконец, не попало в руки самому Жукову. Он и принял решение о награждении. Он же лично и поздравил Соню спустя неделю после награждения. У неё даже сохранилось фото с ним. Она вставила его в рамку и повесила в спальне – в отличие от газетной фотографии на этой она вышла просто превосходно.

Солнце лучисто улыбалось ей с чистого столичного неба. Война осталась позади. Она закалила Соню, сделала её характер стальным и сильным, но вспоминала она о ней не часто – не любила. «Всё прошло», – думала она. Прошло и не вернётся. Жизнь изменилась, и теперь войне просто нет в ней места.

У широкого полукруглого крыльца Дома Офицеров курил высокий мужчина в форме майора. Он стоял лицом ко входу. Соня смотрела на его широкую спину. Его фигура казалась ей смутно знакомой. Она была уверена, что видела этого мужчину прежде, но никак не могла припомнить, где.

А когда он повернул голову и она увидела его профиль, дыхание вдруг перехватило. Соня подошла ближе и остановилась.

– Худокосов? – неуверенно спросила она.

Мужчина обернулся. Да, это был он. С длинным шрамом через всё лицо, чуть полысевший и с усами, но всё-таки он.

– Златоумова! – удивился он, тоже мгновенно узнав её, и раскрыл объятия. – Знаменитый санинструктор!

Соня со смехом обвила его руками за шею и звонко чмокнула в чисто выбритую впалую щёку.

– А я о тебе в газетах читал, – протянул Худокосов. – Ну, думаю, герой девка! Ну молодец! Хвастался всем, что с тобой знаком. – Его глаза лукаво блеснули. – Даже думал отыскать тебя да замуж позвать.

Соня заливисто рассмеялась и смущённо опустила глаза. На щеках появились ямочки. Она погладила пальцами четыре нашивки за ранения на его мундире и сделала шаг назад.

– Поздно, Худокосов. У меня уже другая фамилия.

– Ну вот! – наигранно опечалился он. – Конечно, кто-то тебя уже прибрал! И какая же у тебя фамилия?

Соня повела плечами, переступила с ноги на ногу.

– Мы когда капитана раненого до госпиталя дотащили, – сказала она, – он пообещал меня после войны найти и жениться... Обещание выполнил. Нашёл и женился. Так что теперь я Лемишева.

Худокосов улыбался. Яркое солнце слепило глаза. Над зданием Дома Офицеров развевалось красное знамя.

Война осталась в прошлом.

Фройляйн Шоколад

Ида с облегчением скинула с ног неудобные туфли, села на пуфик и принялась с наслаждением, чуть прикрыв глаза, разминать затёкшие пальцы, потом накинула свой лёгкий, расшитый золотыми нитями шёлковый халат и повернулась к зеркалу.

В гримёрке стояла тишина. В усыпанных жёлтыми алмазами звёзд тёмных небесах висела печальная луна. Она безразлично заглядывала в высокое незашторенное окно и серебрила стекла своим мистическим, призрачным светом. Ида протянула руку, включила лампу над заставленным косметикой столом и внимательно вгляделась в своё отражение в зеркале. Из аккуратной, изящной причёски не выбился ни единый локон, помада на губах алела ярким красным цветом, а кожа была покрыта ровным толстым слоем пудры. Эту пудру подарил ей Маркус фон Вайц, офицер СС и её самый страстный ухажёр. Качество пудры было отменным: она с лёгкостью скрывала все, даже самые сложные дефекты кожи, вот только в силу возраста никаких дефектов на лице Иды ещё не было – ей совсем недавно сравнялось восемнадцать лет.

Ида тихо вздохнула и отвернулась от зеркала. Кто бы знал, как ей всё это надоело! Как осточертело выступать в этом прокуренном кабаре и чувствовать на себе сразу несколько десятков сальных, жаждущих взглядов, как обрыдло притворяться весёлой, дружелюбной и доброжелательной в отношении этих... этих свиней! При одной только мысли о них Ида невольно сжала кулаки. Взять бы автомат, выйти в зал и перестрелять со сцены всех сидящих там тварей в серо-зелёной форме!..

Она зажмурилась на секунду. Так, нужно успокоиться. Ни к чему сейчас разжигать свою ярость – она ей ещё пригодится тогда, когда для оккупантов настанет, наконец, час расплаты за всё, что они творят на их земле. За тысячи ни в чём не повинных убитых людей, за голод, за произвол, за причинённые страдания – они ответят за всё, Ида была твёрдо уверена в этом. Вот только когда – не знала.

В дверь негромко постучали. Ида вздрогнула, вынырнула из своих мрачных мыслей и, натянув на лицо фальшивую улыбку, крикнула на немецком:

– Да-да, войдите!

Дверь бесшумно приотворилась и в проёме показалась кудрявая мальчишеская голова. Он, не переступая через порог, протянул вперёд букет шикарных белых роз и сказал:

– Вот, Шоколадка. Опять тебе от Вайца.

– О! – Ида встала, легко прошагала босиком по мягкому ворсистому ковру и приняла букет у него из рук. – Передай герру фон Вайцу мои благодарности.

– Всенепременно! – ухмыльнулся мальчишка и нагло захлопнул дверь прямо у неё перед носом.

Несколько секунд Ида ошарашенно смотрела на неё, потом медленно попятилась к туалетному столику и тяжело опустилась обратно на пуфик. Пальцы разжались, и сладко пахнущие розы рассыпались веером у ног. Ещё минуту назад ею владела безграничная святая ярость, а теперь охватила горечь – сильная, тягучая и тоскливая. Её считают предательницей. Даже этот юнец открыто её презирает, что только что и продемонстрировал, хотя сам прислуживает немцам. И уж наверняка получает за это деньги!

«Ты ведь ничего не знаешь! – хотелось крикнуть ему вслед. – Ты! Ничего! Не знаешь!»

Поддавшись порыву, Ида вскочила и кинулась к двери, но остановилась. Пальцы застыли на ручке. Нет. Она не может. Не может вот так просто взять и выдать свою тайну – она просто не имеет на это права.

Из зала кабаре доносились весёлая музыка, смех, обрывки разговоров. Часы на стене показывали ровно десять – вечер только-только начинался, и Иде предстояло ещё не меньше трёх часов всячески развлекать и веселить ненавистных оккупантов. Она бы с радостью пле-

вала каждому из них в лицо, но вместо этого мило улыбалась и кокетничала, делая вид, будто их многочисленные и бесконечные комплименты её смущают. А они дарили ей цветы и водили в рестораны.

Самых ярких ухажёров было два: фон Вайц, штурмбанфюрер СС, высокий привлекательный мужчина с густой копной пшеничного цвета волос и пронзительным взглядом янтарно-карих глаз, и Курт Зиммель. Последнего Ида не любила особенно – худощавый, с тонким прямым носом и слегка вытянутым лицом, он был немногословен и довольно саркастичен в общении, что частенько задевало Иду за живое, но всё же обладал каким-то таинственным, присущим только ему мрачным обаянием и неповторимым шармом. Может, виной тому был его голос – всегда тихий, спокойный и уверенный, с лёгкой хрипотцой. Он казался бархатным. А может, дело было в его всегда сдержанных манерах, неизменно вежливом поведении или – что почему-то сместило Иду – в его родинке над левой бровью. Она делала его лицо особенным, только вот в чём, Ида не понимала. Просто он отличался от других фашистов и всё тут.

Он хотел, чтобы она принадлежала только ему, и как-то раз даже пытался уговорить её прекратить выступать в кабаре, чтобы на неё «не пялились все эти мужчины». В ответ Ида только холодно расхохоталась и попросила оставить её в покое, а Зиммель, сощуривая свои маленькие, опушённые короткими рыжими ресницами глаза, отчеканил:

– Всё равно я сделаю по-своему. И вы никогда больше не появитесь в этом вертепе.

И, резко развернувшись на каблуках, ушёл. С тех пор тему выступлений Иды он больше никак не задевал, но она точно знала: он не отступился и всё равно добьётся своего.

Ида аккуратно, стараясь не уколоться о шипы, собрала с ковра розы и поставила в стеклянную вазу на соседнем столике. Что ж, пора готовиться к следующему номеру. Зрители ждут.

– Ждут с нетерпением, – скривившись, прошептала Ида своему отражению и взяла пудреницу. – Поскорей бы они все сдохли.

Дверь снова приоткрылась.

– Ты готова? – улыбнулся Женька Шаповалов, пианист и по совместительству её напарник по танцам. – Там уже скоро скандировать начнут.

– Потерпят, – высокомерно бросила Ида и, щёлкнув крышкой пудреницы, открыла ящик стола, где ровным рядом лежали её губные помады. – Я ещё не поправила макияж.

Женька шагнул в гримёрную, тихонько прикрыл за собой дверь, пересёк небольшое, заставленное вазами с цветами помещение и, присев рядом, сложил на коленях руки. Ида буквально почувствовала на себе его пронзительный взгляд. Он смотрел на неё так, будто знал какую-то её сокровенную тайну и собирался прямо сейчас всё выложить. Ида раздражённо передёрнула плечами.

– И чего ты уставился на меня, как удав на пачку дуста?

– Нравишься, – усмехнулся Женька.

Ида не ответила. Она с треском захлопнула ящик, встала и принялась развязывать пояс халата. Женька сконфуженно кашлянул и отвернулся, но Ида всё же успела заметить вспыхнувший на его щеках румянец.

– Мог бы и выйти, – холодно усмехнулась она и, распахнув массивный дубовый шкаф, вытащила вешалку со сценическим костюмом.

Следующий номер был несколько эротичным и, как и следовало ожидать, самым любимым у публики. Ида быстро натянула два чёрных чулка с кружевным верхом, надела неприлично короткую юбку красного цвета и, торопясь и нервничая, схватила длинный, отделанный розами из ткани и пышным плюмажем шлейф. Заканчивали этот и без того откровенный наряд соблазнительный, вышитый серебряной нитью корсет, ярко-красные сапожки на каблуках и шляпа-цилиндр.

Перед тем, как выйти, она ещё раз внимательно оглядела себя в зеркале. Безупречно. Яркий макияж делал глаза невероятно огромными и глубокими, на губах застыла соблазни-

тельная улыбка – именно такой её привыкли видеть. Ида быстрыми движениями вытащила из волос скрепляющие их шпильки, и они мягким чёрным водопадом рассыпались по обнажённым плечам. Она одобрительно кивнула, стянула со спинки стула белый халат с передником и накрахмаленный чепец.

Женька выскочил на сцену вперёд неё, с широкой улыбкой поклонился публике и поднял руку, призывая к тишине.

– Господа, – начал он, – наверняка вы уже соскучились по неповторимой Фройляйн Шоколад?

Из зала послышались одобрительные выкрики. Кто-то звонко, пронзительно свистнул и выкрикнул:

– Веди её сюда!

– Терпение, господа, – сдержанно продолжил Женя. – Сегодня у неё для вас сюрприз. Она приготовила свой коронный, так сказать, номер. Тот самый, который вы успели так полюбить: шоколад!

Зрители зааплодировали. Ида натянула на голову чепец, повесила на лицо самую свою обольстительную улыбку и вышла на сцену. И, едва она только взглянула на сидящих в зале людей, как внутри поднялась новая волна жгучей ярости. Как же ей хотелось перебить их всех! Вот просто взять и передуть своими же собственными руками! Она боялась каждого из них, но ненависть была настолько огромной, что пересиливала, давила любой страх.

Женька сел за рояль. Его тонкие пальцы запорхали над клавишами, и прокуренный, битком набитый немцами зал наполнился прекрасными звуками музыки. Ида села на заранее выставленный стул и принялась «помешивать» шоколад в большой алюминиевой кастрюле с надписью «schmackhaft Schokolade» на тускло блестящем боку. Она изображала соблазнительную работницу шоколадной фабрики за работой.

А потом начиналось то, чего ждали зрители: она скидывала скучный белый халат и принималась танцевать. Публика жадно следила за каждым её движением, в зале воцарилась полная тишина, только музыка продолжала звучать, уносясь гулким эхом под высокий сводчатый потолок.

Танцевать и петь Ида училась с детства. Когда ей исполнилось семь, отец настоял на том, чтобы отдать дочь в музыкальную школу. Мама не была против, и всё своё детство Ида провела в компании нотных листов и музыкальных инструментов. Как же она завидовала другим ребятам, которые ходили по выходным в парки, катались на горке, купались в море или просто валялись дурака! У неё никогда не было свободного времени, которое можно было бы провести как душе угодно, и даже на каникулах она продолжала заниматься ненавистным вокалом. А после окончания школы поступила в хореографическое училище, и времени стало ещё меньше.

Отец хотел сделать из неё знаменитую певицу, и Ида не смела ему перечить, хотя частенько душу переполняла горькая обида. Сверстницы уже и кавалеров себе нашли, кто-то даже собирался замуж, а она всё так же каждый свой день отдавала занятиям. Иду не радовало даже то, что преподаватели все как один утверждали, что она обладает необыкновенным талантом и при должном обучении сможет обойти любую известную певицу. Что ей до этих певиц? Ида никогда не мечтала об эстраде, она страстно увлекалась языками и хотела стать переводчиком, и потому в тайне ото всех изучала немецкий.

Но закончить училище она не успела – в её тихий спокойный мирок ворвалась война. Бои за Феодосию начались в июне 1941, и вплоть до полной оккупации никто не верил, точнее, не хотел верить, что город сдадут немцам. Нет, немцы не смогут прорвать оборону – так говорили друг другу феодосийцы, и в голосах людей звучала такая уверенность, что Ида ни капли не сомневалась в их правоте. Конечно, Феодосию не сдадут. Просто не могут сдать.

Настроения в городе царили приподнятые, полные боевого духа. Формировались дивизии народного ополчения, стрелковые дивизии, партизанские отряды, а работники железно-

дорожного депо даже построили бронепоезд, которому дали громкое и горделивое название «Смерть фашизму». Лазурное море переливалось яркими цветами и шумело прибоем, горячее южное солнце щедро одаривало своим ласковым теплом древний город, над каждым зданием развивались красные знамёна.

Нет, немцам никогда не взять Феодосию.

А в конце октября началась массовая эвакуация населения. Ида с матерью эвакуироваться не успели – до них так и не дошла очередь – а отец месяцем раньше ушёл на фронт. Красная Армия стремительно отступила, оставив их на милость победителю. 3 ноября 1941 года Феодосию заняли немцы и тут же принялись наводить свои порядки. Они снимали знамёна и бросали под ноги, топтали их, жгли, рвали, будто соревнуясь друг с другом в том, кто исхитрится уничтожить символ вражеской страны более изощрённо. Однажды Ида услышала, как один солдат со смехом рассказывал другому, что использовал флаг Советского Союза вместо туалетной бумаги в уборной.

С приходом немцев новости из внешнего мира перестали поступать. Радио теперь было под запретом, и тех, кто осмеливался-таки слушать Москву, просто расстреливали.

Евреев истребляли массово. Лишь некоторым удалось сбежать из города, большую же их часть казнили, согнав в кучу в противотанковый ров. Не забыли немцы и про крымчаков: следом за евреями расстреляли и их. Ида не видела всего этого сама, но рассказы знакомых и соседей приводили её в такой ужас, что она боялась выходить на улицу. А вдруг и её тоже примут за еврейку?

Первая оккупация продлилась недолго: перед самым новым годом части 44-й армии освободили Феодосию и Керченский полуостров, отбросив немцев назад, к Украине. Те без боёв отдавать захваченный город не собирались, и чуть больше, чем через полмесяца, Феодосия снова оказалась в оккупации, на этот раз ещё более жёсткой.

Именно тогда Ида начала выступать в кабаре. В начале марта к ней прибежал знакомый по детской музыкальной школе, Димка Исаев, и заявил, что представители новой власти жаждут развлечений.

– Я тут при чём? – ошетижилась Ида и вперила в Димку бешеный взгляд.

– Да ты не о том подумала, – рассмеялся тот. – Ты же поёшь, танцуешь. Так вот, почему бы тебе не устраивать им небольшие концерты? Пайком точно обеспечена будешь, а ещё обещают деньги платить.

– Деньги? – растерялась Ида, но тут же снова пришла в ярость: – Ты за кого меня держишь? Не буду я перед фашистами плясать!

– Ты всё неправильно поняла! – возмутился Димка и, наклонившись к самому её уху, прошептал: – Мы только делаем вид, что с немчурой пашни водим. А сами им вредим.

– Это как? – не поняла Ида.

Димка расплылся в улыбке и заговорщически подмигнул ей.

– Подполье, – одними губами сказал он.

И Ида согласилась. Правда, условие никому не говорить правду её огорчило – ведь мама думала, что она решила продать немцам.

Паёк действительно выдавали – хлеб, тушёнку, шоколад, чай – но мама наотрез отказывалась даже прикасаться к немецким продуктам. Ида корила себя за её худобу, за истощение, но ничего не могла сделать. Утешала только мысль о том, что вот кончится война, вернётся Красная Армия, и тогда мама, узнав всю правду, будет ею гордиться. А пока... а пока ей нужно было закончить начатое.

Подполье насчитывало одиннадцать человек вместе с Идой. Они держали непрерывную связь с партизанскими отрядами и другой подпольной организацией, которой руководила хорошо знакомая Иде Нина Михайловна Листовничая – бывшая заведующая яслями при табачном заводе. До войны она некоторое время жила с ними по соседству в Лысогорном пере-

улке. Они успели подружиться, и Нина Михайловна частенько забегала в гости – обсудить последние новости и события и выпить чашечку чая. Ида знала её как весёлую, неунывающую и целеустремлённую женщину, всегда готовую прийти на помощь – хоть словом, хоть делом.

Если, в которых она работала, закрыли ещё в первую оккупацию. Нина Михайловна организовала у себя дома портновскую мастерскую, которая на самом деле служила прикрытием и тайным местом для встреч членов подполья – она установила связь с партизанами из старокрымских лесов и через связного снабжала их медикаментами, провизией, одеждой и сведениями о месторасположениях немецких войск.

Подпольная группа Исаева была у Листовничей, так сказать, на подхвате – та регулярно давала им мелкие, но важные задания. Они распространяли антифашистские листовки, подкладывали их в сумки горожанам, расклеивали на столбах и стенах, помогали в организации побегов пленных из концлагеря и отслеживали передвижения чуть ли не каждого оккупанта.

Иногда Иде казалось, что Нина Михайловна не боится вообще ничего – она смело взирала в глаза самой смерти и каждый день бросала ей вызов. Ида искренне восхищалась её мужественностью и отвагой, и очень хотела хотя бы немного походить на неё, в глубине души прекрасно зная, что не обладает и сотой долей той храбрости, которой обладала Листовничая.

Нина Михайловна лично дала Иде задание: принимать ухаживания немцев, встречаться с ними, гулять, ходить в рестораны, и при этом держать глаза и уши открытыми. Ценной и важной была абсолютно любая информация, которую только удавалось заполучить, и Ида старалась изо всех сил. Она передавала командирше всё, что видела и слышала, до мельчайших подробностей пересказывала разговоры, описывала любое совершённое немцем движение. Нина Михайловна всегда внимательно выслушивала её и непременно благодарила за «хорошую информацию».

Ида гордилась собой. Она не сидит сложа руки, она борется с нацистской заразой, она помогает, вносит свою лепту в общее дело! Вот только чуть ли не весь город считал её предательницей. Не раз и не два Ида слышала в свой адрес оскорбления. Её называли немецкой подстилкой и шлюхой. Ей с презрением плевали вслед. А однажды даже измазали дверь квартиры грязью и разбили камнем окно.

– Ну ничего, – утешал её Димка. – Всеми своё время. Вот узнают они потом всю правду, и им будет так стыдно, что даже глаз на тебя поднять не смогут! Попомни моё слово!

Публика наблюдала за ней, затаив дыхание. Ида знала, что выглядит великолепно, и с наслаждением отдавалась танцу. Яркий свет софитов слепил глаза, и она почти не различала лиц – они сливались в одно общее бесформенное пятно и расплывались в тусклом мареве, что плотной пеленой окутывало прокуренный зал. На круглых столах, покрытых белыми скатертями столах громоздились горы посуды, сверкали тонкими гранями хрустальные бокалы для вина и натёртые до блеска приборы. А за высокими сводчатыми окнами кабаре спала Феодосия – многострадальный древний город.

Никогда и ни за что на свете Ида не призналась бы ни себе, ни кому-либо другому, что получается удовольствие от внимания. Да, ей нравились те восхищённые взгляды, что она видела, нравились комплименты. Она делала вид, будто всё это донельзя раздражает её и при каждом удобном случае демонстрировала презрительное высокомерие к любому, даже самому незначительному комплименту, но стоило ей только выйти на сцену, как она окуналась в океан обожания. И это не могло не нравиться – она понимала, что действительно красива, как сказочная фея, как сказал однажды в порыве чувств Маркус фон Вайц.

Танец шоколадницы смущал Иду своей откровенностью, но он был неизменным фаворитом публики и всегда вызывал бурные овации. Именно за него Ида и получила прозвище «Фройляйн Шоколад», которое быстро к ней прилепилось и неимоверно раздражало. Ну какой она шоколад, в самом деле?! А уж тем более какая из неё фройляйн!

– У вас шоколадные глаза, фройляйн Ида, – пылко уверял её Маркус. – Вы вообще сладкая, как шоколад. Вы страстная, нежная и загадочная. Я никогда не встречал такой девушки, как вы, фройляйн Ида...

Он был влюблён в неё, как школьник – такой же наивной, чистой и быстропроходящей любовью, основой которой было обычное плотское желание. Маркус делал всё, чтобы заполучить её. Не раз и не два Ида находила на пороге своей квартиры букеты белых роз, а как-то раз он даже пробрался к ней в комнату через окно. Скольких трудов ей тогда стоило его выпроводить!

После этого случая она намеренно не разговаривала с ним целую неделю и, едва только увидев его, напускала на себя ледяную холодность, а он продолжал закидывать её цветами. Каждый вечер в гримёрку приносили шикарные букеты с полными слов любви открытками, жестяные коробки с шоколадными конфетами, духи, заколки, перчатки, шляпки и милые пустячки вроде игрушек или статуэток. Подарки Ида охотно принимала, но продолжала держать Маркуса на расстоянии – ей нравились его ухаживания, но не он сам.

Листовничая называла фон Вайца «ценным кадром» и велела ни в коем случае не терять с ним контакт. Чем он был ценен, Ида не понимала, да и в чинах и званиях разбиралась плохо, а уж в немецких и подавно. Поэтому когда командирша спросила её о звании кавалера, Ида растерялась.

– Не знаю...

Листовничая задумчиво посмотрела на неё и прищурила правый глаз – как всегда, когда была чем-то недовольна или раздражена.

– Петлицы у него какие? – потребовала она. – А погоны?

– Петлицы?.. – ещё больше растерялась Ида и опустила глаза. Её испугал внезапный выпад Листовничей. – Ну, такие... с серебристой нашивкой, а погоны как косичка.

Командирша хмыкнула, выбила из помятой пачки с немецкими надписями папиросу и чиркнула спичкой. Некоторое время она молча курила, смотря в стол и выпуская через ноздри густой серый дым. Он щекотал горло и Иде жутко хотелось закашляться, но она сдерживалась. В комнате повисла какая-то неудобная тишина.

– Погоны как косичка, – вздохнула Листовничая. – Нашивка серебристая. Это ты, Идка, молодец. У них у всех нашивки серебристые да погоны косичкой заплетены.

И засмеялась – натянуто, неестественно. Ида сжала руки на коленях.

– Ну, у него в одной петлице четыре квадратика, а в другой знак СС, я его знаю. А погоны... правда косичкой.

Листовничая глубоко затянулась и раздавила недокуренную папиросу в пепельнице.

– Штурмбанфюрер он. Майор по-нашему. – Она махнула рукой. – Иди давай, плясунья. И кавалера своего от себя далеко не отпускай.

– Хорошо, – пробормотала Ида и поспешно встала.

– Подожди! – окликнула её командирша, когда она уже собиралась выходить. – Ты б с ним роман закрутила, что ли. А то ни богу свечка, ни чёрту кочерга. В койке, да с красивой девахой, мужики до разговоров охочие, много бы мог чего полезного выдать.

Ида вспыхнула. Она смотрела на Листовничую, округлив глаза, и не могла вымолвить ни слова – они просто не шли на язык.

– Да вы за кого... – наконец вернулся к ней дар речи. – За кого вы меня держите?!

– За шпионку, – усмехнулась командирша. – А шпионки никаким способом не брезгают.

Ида не ответила. Она так резко дёрнула на себя дверь, что чуть было не впечаталась в неё лбом, и пулей вылетела на улицу. Внутри всё горело и полыхало. Гнев, злость, стыд – всё накинулось на неё разом, и принялось душить в своих раскалённых тисках.

Она злилась на Листовничую. Неужели та считала, что Ида способна пойти на такое? Улечься в кровать с оккупантом, целовать его, обнимать, называть любимым? Да никогда! Ни за что! Лучше сразу смерть!

Через полчаса, когда гнев поутих, Ида поняла: командирша была права. Это, конечно, действительно отвратительно – продавать себя ради сведений, но как знать, быть может, они спасут кому-то жизнь? А вдруг они помогут в освобождении Крыма или даже всего СССР? Разве её личная гордость стоит выше судьбы всей страны? Конечно, нет, и она должна пойти на этот шаг – ради себя, ради всех других. Ради победы.

На следующий день, едва только занялся весенний рассвет, к ней прибежал взмыленный, запыхавшийся Димка. Ида ещё спала. Он принялся звонить в дверь – долго, настырно, а когда на звонок никто не ответил, стал громко стучать. Из прихожей донеслись шаркающие шаги и недовольное «да иду, иду!» мамы. Ида нехотя сползла с кровати, сунула ноги в тапочки и накинула на белую ночную рубашку халат.

Димка влетел в квартиру вихрем, чуть было не сбив маму с ног. Глаза его сверкали, русые волосы были взъерошены, серый резаный картуз съехал набок. Сердце подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз, внутри всё судорожно, до боли сжалось в плохом предчувствии.

– Ида! – завопил Димка, увидев её в проёме двери. – Листовничая!..

Ида подскочила к нему и зажала рот ладонью.

– Не ори! Тихо!

Мама побледнела и, прижав руку к груди, прислонилась спиной к стене. Ида потянула Димку за собой в спальню.

– Идём, там расскажешь.

Димка послушно пошёл за ней. Ида неслышно притворила за ними дверь и порывисто схватила его за руку. Он стащил картуз, нервно пригладил кучерявые волосы, отёр со лба пот и снова нахлобучил его на голову.

– Листовничую немцы арестовали, – наконец выпалил он.

И словно ледяная волна опрокинулась на неё и придавила к земле своей тяжестью. Ида неверяще смотрела на Димку. Ноги вдруг стали ватными, и она опустилась на скрипучий стул у заставленного косметикой и флакончиками духов трельяжа.

– Как арестовали? Откуда ты знаешь?

– Сам видел. Только что.

Ида покачала головой, встала, подошла к окну, но тут же вернулась назад. Новость никак не хотела укладываться в голове, и Ида не хотела ей верить. Она не знала точно, чем грозит им этот арест, но интуитивно чувствовала, что ничем хорошим.

– И что теперь? – едва слышно спросила она и подняла на Димку взгляд. – Что мы будем делать?

Тот пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, затаиться нужно...

Ида в задумчивости прикусила губу и уставилась в стену. Мысли завертелись бурным водоворотом, и она никак не могла сосредоточиться. Бежать? Но куда? Сидеть тихо? А если и за ними придут?

– Я к ней как раз шёл, – снова заговорил Димка. – И тут смотрю: её выводят. Вся избитая, в крови, еле ноги тащит. А немцы её ещё и подталкивают...

– А ты что сделал?

– Как что? – удивился Димка. – Спрятался, конечно. За грузовик. Они меня не заметили. Посадили её в машину и увезли куда-то. Я в мастерскую зашёл, а там раскардаш такой, всё раскидано, разбросано. Наверное, искали чего. – Он сел на расправленную кровать, снова стащил картуз и принялся мять его в руках. – Что делать-то будем?

– Это ты у меня спрашиваешь? – вдруг вспылила Ида. – Я-то откуда знаю!

На некоторое время повисла тишина. Ида отчаянно пыталась придумать план действий, но как назло ничего не шло в голову. Только нервы натянулись тугой тетивой.

– Ладно, – вздохнула она. – Пока посмотрим, что дальше будет, а дальше придумаем. Как ты думаешь, Листовничая нас не сдаст?

– Кому? Фашистам? – Димка уверенно помотал головой. – Не. Точно не сдаст. Она не такая.

Вечером они узнали, что командиршу увезли в Симферополь – немцы, видимо, посчитали её главной подпольщицей. Все группы затаились в ожидании, тайные встречи и собрания были отменены. Никто даже не предполагал, кто сдал Листовничую, и знает ли этот человек что-нибудь ещё о феодосийском подполье и его участниках.

Ида с Димкой старались держаться вместе. Он приходил к ней рано утром и уходил за десять минут до комендантского часа. Они не говорили о Листовничей, понимая, что и у стен есть уши, но мысли о ней не выходили у Иды из головы. Что, если она выдаст их? – эту мысль они читали в глазах друг друга, но вслух её никто ни разу не произнёс.

Ида продолжала выступать в кабаре, ходить на свидания. Только теперь она понимала, что такое страх на самом деле, понимала, что прежде никогда не боялась немцев. А теперь в каждом из них видела того, кто вслед за Листовничей арестует и её. Каждый представлял для неё угрозу, и порой она даже боялась что-то говорить – а вдруг выдаст себя неаккуратным словом или взглядом?

Но неделя проходила за неделей, и никто не спешил вести её в комендатуру. Фон Вайц и Зиммель продолжали с той же настойчивостью добиваться её расположения, на выступления, как обычно, набивался полный зал, и каждый день Ида видела всё те же восхищённые взгляды, слышала те же комплименты. Значит, никто не догадывался о ней. Напряжение спало. У неё даже получилось заснуть и проспять всю ночь спокойно, не просыпаясь от каждого шороха.

Со временем возобновилась и деятельность подполья, и тогда они, наконец, узнали, что же случилось с их командиршей – кто-то умудрился выйти на связь с симферопольскими партизанами. Почти два месяца Листовничую держали в конюшне, что служила у нацистов тюрьмой для партизан, подпольщиков и их помощников. Каждый день её водили на допросы в комендатуру, а оттуда выволакивали в бессознательном состоянии. Все, кто видел её, говорили, что она перестала быть похожей на человека: на теле не осталось живого места. Пальцы, руки, нос – всё было переломано, губы превратились в одну сплошную рану, а глаза распухли настолько, что едва ли она могла хоть что-то ими видеть. Волосы сплошь покрылись кровавой коркой.

В конце апреля её расстреляли на глазах у всего города. Ни на одном допросе она так и не произнесла ни единого слова, и немцы просто-напросто устали с ней возиться – всё равно без толку.

Узнав об этом, Ида похолодела. Наверное, только тогда она чётко осознала: всё это не игра, не шутки, а война. Настоящая война, которая ведётся без правил, где ни у кого нет второго шанса, и перед каждым из них стоит только одна общая задача – победить.

Новый командир, высокий плечистый мужчина, обвёл собравшихся перед ним подпольщиков суровым твёрдым взглядом.

– Листовничая отдала свою жизнь за правое дело, – сухо сказал он. – Она отдала её за победу, и для нас она навсегда останется героем. Никогда память о ней не сотрётся из наших сердец. Нам нужна победа. И мы готовы идти на жертвы, чтобы добиться её.

К глазам подступили жаркие слёзы, и Ида позволила им скатиться по щекам, но тут же стёрла дрожащими пальцами. Да, они готовы добиваться победы до последнего, во что бы то ни стало, и если нужно, отдать ради неё свои жизни.

В памяти стали всё чаще всплывать слова Нины Михайловны, что та сказала в их последнюю встречу, и Ида всё твёрже и твёрже убеждалась в том, что соблазнить фон Вайца – это

самое незначительное, что она может сделать для страны. Знать бы только точно, какие именно сведения требуются подполью. С этим вопросом она и пошла к командиру, а тот только усмехнулся в ответ:

– Как маленькая. Любые сведения нам нужны. Всё, что ни скажет фашист, всё важно. Всё передавай.

Но собраться с духом у Иды никак не получалось. Стоило ей только взглянуть на фон Вайца, как внутри всё словно переворачивалось. Она просто не представляла себя в его объятиях, не представляла, как правдоподобно притвориться влюблённой, ведь прежде она не отвечала на его ухаживания и не позволяла себя целовать даже в щёку. Фон Вайц же тоже не дурак и, скорее всего, почувствует фальшь – с чего бы ей так внезапно и неожиданно воспылать к нему нежными чувствами? И она снова и снова откладывала это свидание, что пугало её до дрожи – просто не решалась остаться с ним наедине.

В конце концов Ида решила зайти издалека и начать понемногу «сдаваться», уступать якобы его напористости. Когда ей в очередной доставили от него букет роз с открыткой, она написала на её обратной стороне: «Почему-то захотелось передать вам благодарности лично, герр фон Вайц. Ваши розы просто великолепны!» и отдала посыльному. Через пять минут фон Вайц явился лично – взволнованный, с раскрасневшимися щеками и поистине безумной улыбкой. Ида пропустила его в гримёрку и даже предложила чай.

От угощения он отказался и присел на пуфик, буквально пожирая её взглядом. Ида закинула ногу на ногу и в наигранном изумлении вскинула бровь.

– Я, конечно, не ожидала вашего визита, – начала она, – но я весьма им польщена. И...

– Я вам нравлюсь? – перебил её фон Вайц.

Ида в притворном смущении опустила глаза, ресницы её затрепетали.

– Ну только если совсем чуть-чуть, – с улыбкой сказала она. – Крохотулечку.

Фон Вайц снял фуражку, запустил пятерню в густые волосы и уставился на неё идиотски счастливым взглядом.

– Я так рад, фройляйн Ида, что даже не могу найти слов. Клянусь вам, я никогда не встречал такой девушки, как вы! Вы самая очаровательная и самая неповторимая! Я бы даже хотел, чтобы вы... – Он запнулся, но тут же продолжил: – Я могу рассчитывать на взаимность?

– Да, – кокетливо ответила Ида. – А теперь, если вы не хотите чай, идите. Мне нужно готовиться.

Он вскочил, сделал несколько широких шагов к двери, но обернулся на пороге.

– Я буду ждать вас у выхода в кабаре после закрытия.

Ида кивнула. Едва только за ним закрылась дверь, как улыбка исчезла с её лица. Ну вот, первый шаг сделан. Сегодня он проводит её, завтра они куда-нибудь сходят, а послезавтра, возможно...

Из коридора донеслись приглушённые голоса. Ида встала, бесшумно подкралась к двери и чуть приоткрыла её. Любые сведения важны, а шпионы не брезгают никаким, даже самым унизительным способом их разузнать – это Ида выучила навсегда.

Говорили на немецком. Один голос точно принадлежал фон Вайцу, другой Ида узнать не могла, хотя точно уже слышала его прежде. Это был кто-то из постоянных посетителей кабаре.

– Я всё понимаю, что вы, – говорил он, – не горячитесь, фон Вайц. Но я обязан был вас предупредить.

– Вы говорите, что...

– Именно. Вы думаете, что все вокруг слепы, как кроты? Конечно же, нет. – Тихий смешок. – До добра такие шашни не доведут, имейте в виду.

– Кажется, это моё личное дело, – возразил фон Вайц. – И не вам, штандартенфюрер, в нём копать. Во внеслужебное время и имею право заниматься чем угодно.

– Как вы считаете, не станет ли роман с унтерменшем позорным пятном на вашей блестящей репутации? Я знаю, что эта танцовщица красива. Но вы взрослый человек, и должны понимать, чем эти все ваши похождения могут кончиться.

– Не вам меня учить, – гневно ответил фон Вайц. – Вы бы лучше заткнулись, Айнхольц. Заскрипел пол, и Ида прикрыла дверь и быстро вернулась к зеркалу. Айнхольц... Айнхольц... Где-то она слышала эту фамилию, вот только где, никак не могла припомнить.

Однажды Димка принёс ей завёрнутые в выцветший линялый платок пистолет и гранату, а на её недоумённый взгляд пояснил:

– А вдруг что? А ты без оружия.

– Где я буду его носить? – спросила Ида, а Димка засмутился так, что уши его заалели подобно макам.

– Ну... у вас, у девушек, полно разных мест... чулки, там... А полезет кто проверять, ты ему по морде хрясь! И сразу обиженной притворяйся.

Ида рассмеялась, но оружие всё-таки взяла, а Димка широко заулыбался и вдруг подмигнул ей – весело, беззаботно, как бывало в прежние времена – и воскликнул:

– Не грусти, Идка! Выгоним немчуру, вот увидишь. Придёт время, и они так получают по загривку, что побоятся ещё хоть раз к нам сунуться! Покатятся отсюда колбаской в свой фатерлянд поганый! А мы ещё и подпинывать будем, чтоб быстрее катились.

– Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет, – пробормотала Ида, рассматривая пистолет. Она впервые держала в руке оружие, и оно немного пугало её.

– Что? – не понял Димка.

– Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет, – громче повторила Ида, положила пистолет на стол и посмотрела ему в глаза. – Александр Невский это сказал, когда Левонский Орден у него мира просил. После того, как проиграл в ледовом побоище.

– А-а-а-а, ну понятно, – протянул Димка и, помявшись, спросил: – А кто такой Александр Невский?

– Дурак ты, – усмехнулась Ида. – Князь это русский. Полководец. Между прочим, очень великий.

– А-а-а-а... вот как...

– Он, кстати, тоже с немцами воевал, – вздохнула Ида. – И разбил их. Ладно, ты лучше покажи, как с этим всем обращаться. Я же не знаю.

Димка повеселел и, взяв гранату, принялся охотно инструктировать её:

– Смотри. Это граната. Сперва у неё нужно разогнуть усики, вот они, видишь? Потом, – он положил гранату Иде на ладонь и прижал её пальцы к металлической полоске на корпусе, – нужно прижать рычаг к самой гранате. Поняла

– Поняла, – кивнула Ида.

– Это обязательно нужно делать, – важно сказал Димка. – Чтобы она не взорвалась у тебя в руке. Потом другой рукой выдёргиваешь вот это колечко, – его палец коснулся кольца, что висело над металлической полоской, которую он назвал рычагом, – и кидаешь подальше от себя. Через пару секунд шарахнет так, что головы у всех начисто поотлетают. А ты кинула и беги, поняла?

– Поняла, – снова кивнула Ида. – Ничего сложного.

Вечером, собираясь, как обычно, в кабаре, она засунула гранату в свой ридикюль, к носовым платкам и зеркальцу, а пистолет решила оставить дома. Он был довольно тяжёлым, и нести его в чулке Ида не хотела – он мог запросто прорвать тонкую ткань и выпасть. И ладно, если он выпадет где-нибудь на улице, а если в кабаре, у немцев на глазах? Тогда уж они точно догадуются, кто на самом деле такая обольстительная Фройляйн Шоколад.

Дверь в комнату приоткрылась и в проёме показалась мамина голова.

– Опять в свой бордель собралась? – неодобрительно буркнула она. – И как только тебя совесть ночами не мучит?

– Мучит, мама, мучит, – деланно безразлично ответила Ида, надевая свою любимую шляпку с фиолетовой вуалью и маленьким шёлковым бантом.

Мама поджала губы и вошла в комнату. На Феодосию опустились весенние сумерки и окутали её своим мерцающим покрывалом, в небесах собирались громадные чёрные тучи. Над плоскими крышами домов то и дело сверкала молния, на короткий миг освещая уже опустевшие узкие улочки. «Только бы успеть дойти, не попасть под дождь», – подумала Ида, и мама, словно угадав её мысли, сказала:

– Шаль возьми и зонт. Зябко сегодня, и гроза вон собирается.

Она подошла к окну и плотно задернула выцветшие шторы. Когда-то, когда Ида была ещё совсем маленькой, они имели насыщенный бордовый цвет, а теперь казались бледно-красными, почти розовыми. Их, кажется, подарила тётка, мамина сестра, – то ли на чей-то день рождения, то ли на годовщину свадьбы. Ида не помнила. Ни саму тётку, ни праздник, когда та приезжала к ним в гости последний раз.

Мама несколько секунд молча наблюдала за ней, потом шагнула вперёд и сжала красные, огрубевшие от работы руки. Старый пуховый платок соскользнул с ссутуленных плеч и мягкой волной упал на покрытый протёртым узорчатым паласом пол.

Ида взяла помаду и стала красить губы, краем глаза наблюдая за ней в зеркале.

– Ида, – нерешительно начала мама и опустила глаза. – Я вот что спросить у тебя хотела. Друг твой, юноша этот... Дима, кажется. Про Нину Михайловну говорил, Листовничую. С ней случилось что?..

Ида застыла на мгновение, сжимая в пальцах помаду. Слова не шли с языка, сердце тревожно сжалось, словно в предчувствии чего-то страшного.

– Я не знаю, – соврала она. – Димка чего-то там напутал, а я не знаю ничего точно.

– Лжёшь! – неожиданно громко воскликнула мама, и Ида вздрогнула от испуга. – Лжёшь! Чувствую, что лжёшь! Сознаться, чем вы там таким с этим твоим Димкой занимаетесь?!

– Ничем, – пролепетала Ида. – Я танцую, он...

– Ида, – уже дрожащим голосом, со слезами на глазах сказала мама. – Ну не обманешь ты меня. Я ж тебя как облупленную знаю. Скажи мне правду, чтоб сердце моё успокоилось! Ида... – Она подошла к ней, взяла за плечи и заглянула в глаза. – Идочка... Неужели ты в этом... неужели партизанка?

Ида не ответила. Она просто не знала, что отвечать. Сказать всё, как есть она не могла, а снова лгать не хотелось. На неё внезапно навалилась тяжёлая тоска, руки опустились и повисли безжизненными плетями. Как же она устала!.. От всего – от войны, от немцев, от вынужденности говорить неправду...

– Мама, не спрашивай меня ни о чём, – жалобно попросила она. – Пожалуйста, не нужно.

Мама подобрала с пола шаль, накинула себе на плечи и без слов вышла из комнаты.

Народу в тот вечер в кабаре собралось мало – всего-то человек тридцать. Ида рассматривала их из-за тяжёлой, пыльной кулисы. Всё те же лица. И фон Вайц сидит за тем же столиком, что и обычно – почти у самого выхода, а рядом в погнутом жестяном ведёрке стоит букет роз, который ей обязательно принесут в гримёрку часом позже. Вот только розы сегодня были не белыми, как всегда, а почему-то красными.

Чуть поодаль от Маркуса сидел ещё один эсэсовец. Ида не знала его имени, но частенько видела на своих выступлениях. Он никогда не принимал участия в общем веселье, предпочитая рюмку за рюмкой глушить коньяк, а его взгляд всегда пробирал её до костей – до того он был пристальным и холодным, будто в его глазах застыли кусочки антарктических льдов. Ида замечала, что сколько бы он ни выпил, всегда оставался трезвым, даже походка была такой же твёрдой, тогда как другие нередко падали прямо на столы, роняя на пол посуду. Идеально

выглаженный серовато-зелёный мундир великолепно сидел на его мускулистой фигуре, чёрные перчатки и фуражка с эмблемой в виде черепа и скрещенных костей лежали на столе. Он постукивал пальцами по подлокотнику обитого плюшем стула, будто в ожидании чего-то, и осматривал зал своим внимательным цепким взглядом.

И вдруг он посмотрел прямо на неё. Ида испуганно отпрянула и скрылась за кулисой, но, казалось, он может видеть и сквозь неё – она явственно ощущала на себе его взгляд. Он рассматривал её с нескрываемым интересом в холодных глазах и лёгкой, почти незаметной улыбкой на худом, чисто выбритом лице.

Ида повела плечами, стремясь сбросить с себя это наваждение. Конечно же, он не умеет смотреть сквозь шторы, что за чушь! Она поправила причёску, вскинула голову и пошла в гримёрку, стараясь идти как можно твёрже, но колени предательски подгибались. Интересно, и чем её так напугал этот эсэсовец? Обычный немец, как и все остальные...

«Нет, – тут же возразила Ида самой себе, – не такой, как остальные, другой». От него веяло страхом. Он походил на затаившегося хищника, в любой момент готового сделать прыжок и сжать на твоём горле свои смертоносные челюсти. Он был опасным, гораздо более опасным, чем другие. И если фон Вайца Ида знала, могла предугадать его поведение и поступки, то незнакомый эсэсовец был для неё полнейшей тайной.

Ида уселась на пуфик перед зеркалом, включила свет и взгляделась в своё густо напудренное лицо. На нём не отражалось никаких эмоций, тогда как внутри всё сжалось в тугую комок от страха перед чем-то неведомым. Она покрыла губы ещё одним слоем помады и зачем-то нащупала рукой завёрнутую в носовой платок гранату. Металлический бок приятно похолодил пальцы.

И только тут она вспомнила, что не видела в зале Зиммеля. Странно. Он ни разу не пропустил ни одного её выступления, почему же не пришёл сегодня?

В гримёрку заглянул Женька, деловито осведомился, готова ли она, и после утвердительного кивка скрылся, а Ида принялась одеваться. Программа сегодня была насыщенной, и она приготовилась долго работать.

Зиммель явился после четвёртого выступления. Ида поправляла макияж в гримёрке, когда услышала голоса в коридоре.

– Дай сюда, – донёсся до неё повелительный голос Зиммеля. – Я сам передам.

– Мне приказали передать лично в руки, герр офицер! – возразил посыльный.

– Ты идиот? – повысил голос Зиммель. – Давай, я сказал!

Через секунду он стремительно шагнул в гримёрку, захлопнул за собой дверь, и решительно подойдя к Иде, небрежно бросил букет прямо на туалетный столик. Ида вскинула голову и сощурила глаза.

– Как это понимать, герр Зиммель? – возмущённо спросила она. – Вы ворвались ко мне, кидаетесь цветами. Опять ревнуете?

– Не до этого, – внезапно на чистом русском ответил он ей. – Вставай и быстро одевайся.

Ида застыла в немом изумлении. Он говорил абсолютно без какого-либо акцента, словно русский был его родным языком.

– Чего вылупилась? – спокойно бросил он и, схватив её за локоть, резко рванул вверх. – У нас есть десять минут, не больше. Шевелись.

– Что... как... – изумлённо забормотала она. – Вы...

Он круто развернулся на каблуках, сдёрнул с вешалки пальто с шалью и бросил ей. Ида машинально поймала их, но так и продолжала стоять посреди гримёрки истуканом, всю пяля на него ярко накрашенные глаза. Зиммель раздражённо вздохнул, шагнул к ней и принялся сам натягивать на неё пальто.

– Совсем уже сдурели вы там, в своём подполье. Тебе командирша твоя не говорила, кто я такой? Где они только дур таких набирают? Русский я, второй год уже с вашим подпольем работаю.

– Как русский? – выдохнула Ида.

– Очень просто. И зовут меня Степаном, а не Куртом. – Он запахнул на ней пальто и стал застёгивать пуговицы. – Я только что из комендатуры. Раскрыли ваше подполье, сейчас рассылают полицаев. Арестовывать всех. Так что торопись, я тебя из города вывезу, мою машину не проверяют.

– Раскрыли? – ахнула Ида. – Как раскрыли?

– Как, как. Заладила. Предатель у вас есть. Кто точно, не знаю. Так что шевелись.

– А остальные?

– Не знаю. Видел только вашего связного, Исаев, кажется, фамилия. Смешной такой, долговязый и кучерявый, как Пушкин. Уже в подвале у эсэсовцев сидит, вас дожидается.

Ида оттолкнула его и принялась застёгиваться сама. Раскрыли... Димку арестовали... Его ждёт та же судьба, что и Листовничую? А что, если арестовали всех, кроме неё? Всё это никак не хотело укладываться в голове, мысли вдруг стали тяжёлыми и громоздкими, как кирпичи.

Её поражали спокойствие и невозмутимость Зиммеля. Стоит тут и так спокойно говорит о том, что подполье раскрыли, будто рассказывает о вчерашней прогулке по парку! Она быстро, но пристально глянула на него. А тот ли он, за кого себя выдаёт? Действительно ли русский? Или сейчас возьмёт её за руку и приведёт напрямик в лапы фашистов?..

Димка говорил «Кинула и беги». Но она не побежит. Потому что бежать ей некуда. Ида подняла голову и, ничуть не колеблясь, уверенно и без страха сказала:

– Я остаюсь.

– Что? Остаёшься?

– Да.

– Чёрт, какая же дура. – Зиммель снял фуражку, нервно пригладил ладонью волосы и резанул по ней гневным взглядом. – Ты хоть понимаешь, что с тобой будет? Я твоё имя видел в списках, и через десять минут...

– Я остаюсь, – твёрдо повторила Ида.

Зиммель что-то пробормотал сквозь зубы и, крепко схватив её за запястье, потащил к двери. Ида успела зацепить с тумбочки свой ридикюль. Они миновали недлинный коридор и свернули к лестнице, что вела к чёрному входу, прошли мимо кухни, а когда оказались к ведущей в зал арке, Ида вырвалась и, оттолкнув его, ринулась туда.

– Стой! – успел крикнуть Зиммель, но она уже влетела в зал.

У стены, прислонившись к ней спиной, стоял, какой-то солдат и потягивал вино из круглого залапанного стакана.

– Фройляйн Шоколад! – изумился он. – Неужели это вы?

Ида не обратила на него внимания. Она нарочито неспешно вышла на середину зала, медленно расстёгивая пуговицы. Уголки губ изогнулись в лёгкой улыбке. Взоры всех обратились к ней, но она не поднимала глаз. Стянув пальто, она повесила его на спинку ближайшего стула, судорожно сжала ридикюль в пальцах и наконец обвела зал взглядом.

– Я вышла к вам лично потому, что мне захотелось выпить с вами, – тихо сказала она. – За любовь. Кто-нибудь нальёт мне вина?

Фон Вайц вскочил, но солдатик опередил его. Он суетливо плеснул в изящный хрустальный бокал красное, кристальное, как рубин, вино и протянул ей. Ида с благодарностью приняла его и подняла вверх. Улыбка на её лице заиграла ещё ярче.

– Подойдите все ближе, – попросила она.

И они послушно столпились вокруг неё. Зиммель всё так же стояла за аркой и неотрывно следил за ней. Ида послала ему очаровательную улыбку и глазами показала на выход, но он не шелохнулся. Она отвернулась, гневно сжав зубы. Ну и пусть. Пусть стоит, если ему так хочется.

– Я так волнуюсь, господа, – наигранно смущённо хихикнула она. – Кажется даже, сейчас расплачусь... Ну вот, так и есть: а глазам подступили слёзы! Мне срочно нужен платок.

Несколько человек тут же предложили ей свои платки, но Ида с милой улыбкой проигнорировала их и расстегнула ридикюль. Палец нашупал знакомые уже усики на гранате. Она решительно отогнула их, снова обернула гранату платком и вытащила, крепко зажав в кулаке.

Оставалось только выдернуть кольцо, но Ида не торопилась. Она промокнула уголком платка глаза, снова взяла бокал и оглянулась. Зиммеля уже не было.

– Так за что мы пьём, Фройляйн Шоколад? – весело спросил кто-то сзади.

Ида развернулась на каблучках, отсалютовала ему бокалом и послала игриво-кокетливый воздушный поцелуй.

– Я хочу поднять этот тост за любовь!.. – сказала она, выдернула из чеки кольцо и, разжав кулак, громко добавила: – К родине...

Граната со стуком упала на поцарапанный паркет и, отскочив в сторону, покатила между столиков. Перед тем, как бабахнул оглушительный взрыв, Ида успела увидеть испуг на их лицах и даже насладиться им. Кто-то кинулся прочь из зала, кто-то рухнул на пол, прикрывая голову руками. А в следующую секунду по телу больно ударило что-то невидимое и твёрдое, пол в мгновение ока стал зыбким и вязким, словно болото, и Ида полетела в чернильно-чёрную тьму.

Степан машинально пригнулся, когда в спину ударила взрывная волна. Стёкла в окнах кабаке со звоном вылетели из рам и посыпались на землю дождём сверкающих острых осколков. Он обернулся. Ветвистая молния расколола залитое тьмой пространство на множество осколков, и тут же над крышами домов прокатился громовой рокот. Деревья тревожно зашестели, вскипели мокрой листвой.

Откуда-то из кромешной темноты вынырнули двое патрульных.

– Что случилось, гауптштурмфюрер? – спросил один из них.

Степан неопределённо махнул рукой.

– Не знаю. Я только что вышел из кабаке, и тут там что-то взорвалось. Было бы неплохо, если бы вы проверили.

– Проверим, – ответил патрульный и отдал честь.

Степан коротко вскинул руку к фуражке. Патрульные направились к кабаке. Он проводил их взглядом, потом развернулся и быстрым шагом, почти бегом, устремился в другую сторону.

«Дура, – негодовал он. – Какая же дура! Это же надо было такое придумать! Откуда только гранату взяла, идиотка!» Но в то же время в душе поднималось восхищение. Да, дура, но смелая. Отважная. Ему ещё не доводилось встречать таких девушек – красивых и смелых.

Он мельком глянул на наручные часы. Через полчаса сеанс связи, и ему нужно обязательно сообщить обо всём произошедшем в штаб. Степан пересёк тёмную улицу, вдоль которой ровным строем тянулись разномастные деревянные избышки, и незаметной тенью скользнул в калитку с заляпанной грязью табличкой с цифрой «2».

В тесной, заставленной разным хламом прихожей он торопливо стянул китель, повесил его на вбитый в стену гвоздь и прошёл в единственную комнату. На круглом столе стояла лампа, но он не стал зажигать её. Вместо этого он вытащил из-под покрытой каким-то засаленным тряпьем железной койки чемодан, смахнул с его толстый слой пыли и откинул крышку. В темноте виднелись очертания рации. Степан вытащил антенну и взял наушники.

Снова загремел гром, на этот раз ближе, и по окну громко забарабанил дождь. Он усиливался с каждой секундой, будто кто-то поворачивал невидимый вентиль, хлестал по стенам

избушки, шумел в кронах деревьев и сверкал длинными косыми струями в жёлтом масляном свете единственного на всю улицу фонаря. Пыль на дороге тут же превратилась в жидкое чёрное месиво.

Степан знал, что немцам известно о работающем в городе разведчике. Они уже несколько раз пеленговали сигнал его рации, пытаясь вычислить местонахождение, но ему всегда удавалось скрыться. Он шифровал радиограммы, никогда не использовал один и тот же почерк и не выходил на связь из одного и того же места. Да и подпись каждый раз ставил новую.

Пальцы привычно легли на ключ.

«Объект уничтожен сегодня в 10 21 по мск. Подполье раскрыто, я вне подозрений. Вышел на связь с партизанским отрядом Решетнёва. Индеец».

Папа

Март, 2015 год.

– Дарья Максимовна, – раздался в трубке звонкий девичий голос. – Здравствуйте, я из организации «Бессмертный полк». Мы составляем народную книгу... вы ведь видели войну?

Дарья Максимовна задумалась на мгновение и уверенно ответила:

– Да. Но только я очень плохо её помню. А что вам, собственно, нужно?

– Мы составляем народную книгу «Дети войны», – повторила девушка.

– И о чём она? – полюбопытствовала Дарья Максимовна и переложила трубку в другую руку.

На плите засвистел чайник, и она вывернула ручку газовой плиты. Чайник сердито плюнул кипятком и затих.

– О детях, которым пришлось пережить войну, – ответила девушка на том конце провода. – О сиротах войны.

– Я не сирота! – возмутилась Дарья Максимовна. – У меня есть... был отец.

– Ваша история очень интересует нас. Можем ли мы встретиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.